

КЕРРИГАН БЕРН

Герцог с татуировкой дракона

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн

Герцог с татуировкой дракона

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берн К.

Герцог с татуировкой дракона / К. Берн — «Издательство АСТ»,
2018 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-114807-2

Когда-то девочка по имени Лорелея спасла от верной гибели раненого, потерявшего память юношу с татуировкой дракона на предплечье – и, уходя, он пообещал своей спасительнице вернуться. Прошли годы. Девочка превратилась в прекрасную женщину, которую жестокий брат силой вынуждает вступить в брак по расчету. И тут, как в сказке, ее увозит от ужасной судьбы... он! Тот, кому она когда-то подарила и жизнь, и новое имя – Эш. Но каково же было Лорелее узнать, что сказка обернулась кошмаром, что теперь ее Эш – самый отчаянный пират всех морей? Согласится ли она принять любовь мужчины, которого все ненавидят и боятся?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114807-2

© Берн К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	37
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Керриган Берн

Герцог с татуировкой дракона

Kerrigan Byrne

THE DUKE WITH A DRAGON TATTOO

© Kerrigan Byrne, 2018

© Перевод. Е.А. Мордашев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог

*Тюрьма Ньюгейт, Лондон
Осень 1858 года*

– Сейчас я сделаю тебе больно, – предупредил Уолтерз на кокни, отдающем трубочным табаком и угольным смогом Ист-Энда. Не красуйся на его широкой, как причальная тумба, шее полудетское лицо, он казался бы гораздо старше.

– Боль мне скорее по нраву.

Произнеся эти слова, мальчишка сам удивился их смыслу. Если в тюрьме Ньюгейт не подружишься с болью, станешь постоянным объектом издевательств. Не пытайся увильнуть от неотвратимого, мальчик с сотоварищами научились встречать боль, изучать ее действие, а потом с ужасающей эффективностью применять.

Мальчик уже почти мужчина. А точнее, в восемнадцать верховодил мужчинами. Уолтерз, по-видимому, самый жестокий из всех его знакомых, беспрекословно исполнял его приказы. Все исполняли. Кто-то из любви и уважения к нему. Кто-то был ему обязан. Но большинство его боялось.

Ну, если честно, его боялись *все*.

Потому что он был агентом боли.

– Просто продолжай, ладно? – приказал он.

Мясистые пальцы Уолтерза сжимали отточенную иглу, которую он глубоко обмакнул в чернила.

«Такой большой и неуклюжий мужчина, – подумалось мальчику, – и такие тонкие движения». Очевидно, благодаря точности движений Уолтерз и стал лучшим в империи фальшивомонетчиком.

То есть был таковым до заключения.

В тюрьме Уолтерз освоил новое ремесло. За этими каменными стенами надо постараться найти себе занятие. Иначе отупеешь. Или сойдешь с ума. Поддашься множеству терзаний, таившихся в здешних тенях.

– И где, скажи еще раз, ты его раздобыл? – Уолтерз указал на темный кожаный лоскут с прихотливым сплетением чернильных линий; поверх него лежала древняя обсидиановая печать с выгравированной сигиллой¹.

– У первого убитого мною негодяя, – соврал мальчишка. – Пирата.

Ты хорош настолько, настолько хороша твоя репутация. И в тюрьме, и на воле. Верность правде никогда не мешала мальчику рассказать хорошую историю, в особенности если та заставляла людей бояться его еще сильнее.

Правда состояла в том, что карту и печать он в день своего ареста стянул у столовавшегося у его матери славного, но обедневшего датского историка.

А еще в тот день из Темзы выловили тело Кэролайн Морли.

Ошеломленный приливом эмоций, – которые, казалось, давно умерли, как та прекрасная рыжеволосая девушка, – он воспринял первый укол иглы, проткнувший тонкую кожу предплечья, как облегчение.

Боль снести легче, чем смерть Кэролайн.

Пока Уолтерз работал, мальчик думал. Строил планы. Планы действий в чрезвычайных ситуациях. Безотказные планы. Вел бесконечные расчеты.

¹ Сигилла (от лат. *sigillum*) – символ (или комбинация символов или геометрических фигур), обладающий магической силой. – *Примеч. пер.*

А если ему все удастся? Тогда к двадцати годам Братья Черное сердце смогут стать правителями Империи.

Сдерживая распирающее грудь возбуждение, он изо всех сил старался унять дрожь в животе. Последний месяц в этом земном аду был попросту мучительным. Как и с татуировкой, самым тягостным было неприятное ожидание прокола кожи.

Ему просто хотелось с этим покончить. Хотелось снова вдохнуть ночной воздух. Насладиться едой без личинок. Пить воду без привкуса мочи и запаха тухлых яиц. Он грезил о подстилке из свежей соломы, но в холодное время не отказался бы и от одеяла.

Всего одну мягкую вещь. Одно доброе слово. Один красивый вид.

За время, проведенное в Ньюгейте, мальчик успел позабыть, что в жизни есть подобные наслаждения.

Только во снах. Ему неизменно снились яркие сны.

– Напомни-ка мне еще разок, что сказал пират, – подбадривая, проговорил Уолтерз, рваной тряпкой стирая капли крови с руки мальчика. – Разговор поможет тебе сохранить спокойствие и скоротать время.

Мальчишка кивнул, вспоминая, как однажды за ужином историк Йохан Сондергаард увлек его и мать своим рассказом. Голубые как лед глаза обычного спокойного мужчины вспыхивали унаследованным от предков огнем завоеваний.

– Легенда гласит, что примерно через пятьдесят лет после распятия Христа Клавдий, первый удачливый римлянин, вторгшийся в Британию, писал в дневнике об удивительной здешней находке, которая сделает его богаче любого императора. Из-за войны с жутким местным племенем триновантов он не смог с собой ничего привезти. Отчаянно пытаясь сохранить находку, он спрятал ее, запечатал и оставил охранять сигиллу скифского дракона, знамя римской кавалерии. А тебе известно, что охраняют драконы?

– Всем известно, что драконы охраняют сокровища. – Уолтерз снова опустил иглу в чернила, вытирая следы крови на предплечье мальчика. Прикосновение к свежим ранам саднило кожу. Пытаясь не стиснуть зубы, мальчик обнажил их в подобии улыбки.

– Именно, – не разжимая челюстей, подтвердил он. – Клавдия отравили, в Британию он не вернулся, и единственной оставленной им подсказкой служит эта сигилла.

Оба посмотрели на сигиллу. Фигура змееподобного дракона с четырьмя когтями и торчащим между грозными зубами извивающимся языком, под которым было выгравировано два слова: *NIGRAE AQUAE*.

Мальчик надеялся, что когда кровный брат Дуган научит его читать, он наконец сможет понять, что означают эти слова, но не повезло. Разумеется, они были не английскими.

– Значит, сигилла имеет отношение к карте? – спросил у него Уолтерз, точно скопировав сплетающиеся линии и приступив к накалыванию сигиллы.

– Девятьсот лет спустя в Британию вторгся датский король Свен Вилобородый. Перед ним был мост, и три англосаксонских воина с несколькими крестьянами героически удерживали его, отбиваясь от двухтысячного войска грабителей. Говорят, они защищали зарытое тайное сокровище, чары которого придавали им необоримую силу и выносливость. Разбив их, датчане взяли святилище на маленьком острове, где обнаружили пещеру, охраняемую драконом. *Этим* драконом. Сокровищ в пещере было так много, что их невозможно было вывезти в Данию флотом, на котором прибыло *две тысячи человек*, можешь себе представить?

– Конечно, не могу.

Круглая, как луковица, лысая голова Уолтерза раскачивалась на чем-то слишком коротком и толстом, чтобы по праву считаться шеей, когда он набивал слова под локтем мальчика.

Увлеченный и немного опьяненный болью, мальчик почти не чувствовал уколов.

– Вдохновленный своей находкой, король Свен напал на Молдон и, разбитый Этельредом Неразумным, был вынужден бежать из Британии. Король Свен так и не смог снова найти

сокровище, так что оно и сегодня остается на прежнем месте. Том самом месте, которое на этой карте обозначено драконом.

– Откуда ты знаешь? – спросил Уолтерз.

– Потому что Свен завещал эту карту своей дочери, но та отца ненавидела, и не верила ему, и на поиски так и не отправилась. Поэтому карта все эти годы лежала в королевской библиотеке Дании.

– Не знаю... это не похоже на дороги, а я здесь повсюду бывал. – Уолтерз скептически указал на странные развилки.

– Думаю, это не дороги, – протянул, размышляя вслух, мальчик. – Викинги были мореплавателями, моряками, поэтому логично предположить, что на своих картах они изображали не дороги, а реки.

Уолтерз замер, внимательно изучая свою работу новыми глазами.

– Черт... меня подери.

– Вот именно.

– И ты хочешь найти это сокровище, когда тебя через месяц выпустят?

– Я буду искать это сокровище, пока не найду, – поклялся мальчик.

Когда Уолтерз закончил, нервы мальчика были всклокочены, как истертая веревка виселицы, но лучше татуировки ему видеть не доводилось.

Пряча инструменты в расщелину каменного пола, Уолтерз спросил:

– Ты расскажешь Дугану?

– Конечно, я ему расскажу, как только мы сумеем снова поменяться камерами.

Мальчик подошел к соломенному тюфяку Дугана у дальней стены и вынул из нее камень. Запустив внутрь руку, достал немного контрабанды, а потом вынул еще один, следующий камень. Там был тайник, который никто не стал бы искать, обнаружив первую нишу.

– Я оставлю карту и печать для *него*. И для тебя, и для Мердока, и для Таллоу. Но Дугану сидеть еще три года, а я, пока он в тюрьме, буду искать. Может, к тому времени, как вы все выйдете, я найду сокровище. Разумеется, я дам вам знать. Я за всеми вами вернусь.

– Разумеется, вернешься.

Мальчишка резко поднял голову, готовый высказать недовольство за промелькнувшее в голосе Уолтерза неуважение. Однако резкие печальные складки на грязном лице фальшивомонетчика лишили юнца дара речи.

Уолтерз не вчера родился, чтобы верить в чьи бы то ни было обещания. На мальчика он глядел с жалостью, но без презрения. Добродушно, но недоверчиво.

– Я вернусь.

Уолтерз отвернулся.

– Замотай, прежде чем мы приступим к утренней смене на укладке рельсов. Иначе загноится.

Мальчик решил, что докажет Уолтерзу. Он снесет эти стены, но свою семью не бросит.

Проглотив обиду, мальчик аккуратно вложил камень на карту, потом засунул контрабанду и вставил внешний камень.

Потом он скажет Дугану, где это найти.

Уолтерз задул свечу, при свете которой работал, и тоже убрал ее туда, где охранники и не подумали бы искать.

Вытянув длинное тело на соломенном тюфяке, мальчик положил ладони на пустой желудок и задумчиво уставился в темноту. Он сосредоточился на подсчете пульсаций боли на коже от своей новой татуировки. Резкий запах свечного дыма был милым сердцу бальзамом, ненадолго перебивавшим вездесущую промозглую сырость, вьющуюся в эти древние стены.

Когда он отсюда выйдет, решил мальчик, он найдет Резака. На это рискованное дело он возьмет с собой старшего друга. Потому что Дуган стал ему братом в Ньюгейте, а Резак всегда был его братом на улицах.

Мальчик отбывал наказание именно за преступление Резака и вину взял на себя с радостью. Он его должник после того, что случилось с сестрой-близнецом Резака.

Кэролайн... милая Кэролайн. Ушедшая навсегда.

Он не знал, почему стук сапог оборвал его полусонные размышления. Ночные стражи совершали обход каждый час. Может быть, он услышал шаги большего, чем обычно, числа людей. Или сквозь тихую влажную ночь зловещим призраком летело предчувствие насилия.

Чувство опасности здесь обострилось у всех. В особенности у таких молодых, как он. В отличие от дикой природы, хищников тут куда больше, чем добычи, и они рвут друг друга, чтобы отхватить себе лишний кусок мяса.

И каждый приходил за едой в свое время.

Зловещий скрип двери камеры подбросил мальчика на ноги, с зажатым в руке ножом, вырезанным из найденного в тоннеле обсидиана.

В лишенной окон камере фонари его ослепили. Он полосовал ворвавшихся в его камеру людей с силой и скоростью, приобретенной в дни ломовой работы по укладке рельсов пригородной железной дороги. Что-то он порезал. Кого-то. По руке потоком заструилась теплая кровь.

Черт. Теперь ножом орудовать будет трудно.

Глаза попривыкли, и он увидел, что затылок Уолтерза во время падения был размозжен о стену, на которой расплывалось кровавое пятно.

Пятеро охранников зажали мальчика в угол, где не уместилась бы и пара взрослых.

– Дуган Маккензи? – почти в упор спросил сержант – он был так близко, что мальчик мог сосчитать пятна от табака на его зубах.

– Нет! Я не Дуган Маккензи. Я Дор...

– Твой отец передает тебе привет.

Первый удар мальчик отразил рукой со свежей татуировкой, и обезумел от боли. Слишком поздно заметил он занесенную над виском дубинку. А также сломавший лодыжку и поваливший его на пол ботинок.

Время он теперь отсчитывал ударами. Треском костей и брызгами крови.

Напоследок мальчик успел подумать, что Уолтерз был прав, не веря в него.

Сокровищ ему не найти никогда. И за друзьями тоже никогда не вернуться.

Потому что из мертвых не возвращаются.

Глава первая

Не выгляни Лорелея Везерсток из окна кареты поглядеть на внезапно разразившийся ливень, она не заметила бы обнаженное тело под старым ясенем.

– Отец, присмотри! – Она стиснула худое запястье сэра Роберта, но открывшаяся ее взору картина настолько захватила Лорелею, что она не смогла больше выговорить ни слова.

В четырнадцать лет ей еще никогда не доводилось видеть обнаженного мужчину, да к тому же еще и мертвого.

Он лежал лицом вниз, сильные руки были неподвижно вытянуты над головой, словно он вознамерился плыть по скудной придорожной траве. Жуткие черные синяки покрывали окровавленную плоть. Длинный и состоявший из одних бугров и связок, он настолько не походил на нее, насколько люди вообще могут отличаться друг от друга.

У нее сжалось сердце, и пока карета медленно проезжала мимо, Лорелея изо всех сил пыталась вновь обрести дар речи. Ей стало не по себе от промелькнувшей в голове дурацкой мысли, что бедняга наверняка совсем замерз.

Мертвецы сами холодны как лед. Об этом она узнала, в последний раз поцеловав в лоб мать, прежде чем над той навсегда опустили крышку гроба.

– Что, Утка?

Хотя ее отец носил баронский титул, в Лондоне скромные землевладельцы Везерстоки бывали не настолько часто, чтобы избавиться от эссекского акцента.

Когда-то с акцентом говорила и Лорелея, но за время обучения в мейфэрской школе быстро от него избавилась, сменив на безупречный лондонский выговор. Тем не менее на этот раз вздрогнуть ее заставил не акцент сэра Роберта, а его слова.

Самые жестокие насмешки одноклассниц в школе-интернате Брейтуэйт не шли ни в какое сравнение с издевательствами, которые ей приходилось терпеть в семье.

Утка.

– Мужчина, – заикаясь, пробормотала она. – Тело.

О нет, он, кажется, пошевелился – или это обман зрения? Прищурившись, она прижалась лицом к стеклу, чтобы четче рассмотреть сквозь ливень сбитые костяшки пальцев, сжимавших траву, на руках, изо всех сил тянущих тяжелое тело вперед.

– Стойте, – прохрипела она, охваченная дрожью. – Остановите карету!

– Приспичило, что ли, подвязки трут? – с издевкой произнес Мортимер, ее старший брат, и резко отодвинул шторку окна. – Батюшки! На дороге окровавленное тело.

Три мощных удара по крыше кареты заставили кучера остановиться.

– Он живой, я уверена! – воскликнула Лорелея, нащупывая ручку двери. – Клянусь, он пошевелился. Мы должны ему помочь.

– Я напрасно думал, что дорогая школа избавит тебя хотя бы от малой доли идиотизма, Утка.

Мортимер и в более благоприятные дни редко не хмурил свои густые брови, выражающие едва делимой линией надменное презрение, предназначенное исключительно ей.

– Ты что, совсем ополоумела, собралась копаться в этой грязи?

– Мы можем поехать через Брентвуд, – дипломатично предложил сэр Роберт. – И оттуда направить за ним карету скорой помощи.

– Тогда кроме гробовщика ему уже никто не понадобится, – умоляла Лорелея. – Мы ведь можем его спасти?

– Никогда в жизни не видел столько крови.

Глаза ее брата потемнели от нездорового любопытства, но никак не от жалости.

– Пойду посмотрю, что там.

– Я с тобой.

Безжалостной рукой он с силой оттолкнул Лорелею с прохода так, что она спиной отлетела на свое обтянутое уже выцветшим бархатом кресло.

– Ты останешься с отцом. Я возьму кучера.

Как обычно, сэр Роберт Везерсток ничего не сказал и не сделал против своего единственного сына, когда Мортимер выпрыгнул из кареты и со стуком захлопнул за собой дверь.

Лорелея несколько не винила отца в пассивности. Мортимер уже превосходил его и по размеру, и по жестокости.

Ей пришлось прилечь на пульсирующую от боли ногу, чтобы видеть, как мужчины пробиваются сквозь серые вечерние сумерки. Еще было достаточно светло, чтобы рассмотреть блеклые цвета уходящего дня.

Несчастливого можно было принять за огромное кроваво-грязное пятно на ярко-зеленой поросли весенней земли. При приближении Мортимера и кучера он съежился словно улитка, посыпанная солью. Только в отличие от улитки у него не было раковины для защиты истерзанного тела.

Лорелея сглотнула в тщетной попытке унять бьющееся сердце. Как только мужчину подняли, его руки тяжким ярмом повисли на шеях носильщиков. Хотя Мортимер был самым высоким из знакомых ей мужчин, ноги незнакомца волочились по грязи. Его голова свисала ниже плеч, и она не видела его лица, чтобы понять, в сознании он или нет.

Зато от других частей его тела она не могла оторвать взгляд.

Она изо всех сил старалась не смотреть ему между ног, и в основном ей это удавалось. Однако в тот момент это была не столько скромность, сколько сочувствие к бедняге, достойного лучшего обращения.

Иными словами, она лишь два раза глянула мельком и отвела глаза.

Кровоподтеки уродливыми тенями ползли от лопаток до предплечий его раскинутых рук. Гребни ребер на левом боку были фиолетовыми и на другом – красными. Синяки от ударов тупыми предметами покрывали мышцы живота, словно его много раз били или пинали. Когда его подтянули поближе, Лорелею особенно испугала кровь, как самый дурной знак.

Его тело выглядело так, словно его разжевал беззубый великан. На его плечах, груди, торсе, бедрах вплоть до голеней чудовищным образом открывались целые куски мяса.

Может быть, ожоги?

– Боже милостивый, он еще жив? – Отцовский возглас благоговейного страха напомнил Лорелее, что она не одна в карете. Мужчина спешно открыл дверцу, чтобы помочь втащить раненого внутрь. Его пришлось затаскивать вчетвером.

– Он больше не жилец, если не поторопимся. – Кучер поместил длинные ноги незнакомца в карету так, что они спокойно расположились коленями вплотную к сиденью. – Боюсь, он не протянет нескольких миль до Брентвуда.

Сорвав с себя плащ, Лорелея накрыла им дрожащее на полу тело.

– Мы должны сделать все возможное, – настаивала она. – В Брентвуде есть врач?

– Ага, еще какой.

– Пожалуйста, отвезите нас к нему поскорее.

– Конечно, мисс.

Он закрыл дверь, вскочил на свое место и пустил упряжку отдохнувших лошадей галопом.

Как только они рванули вперед, с растрескавшихся пересохших белых губ незнакомца сорвался полный страдания стон – подобного Лорелея прежде не слышала. Его большая рука, защищая лицо, метнулась из-под укрывавшего плаща так, что сердце Лорелеи разрывалось в груди.

Ожог шел от шеи до скулы, обнажив сухожилия и мышцы.

Судорога жгучей жалости жаркой волной пробежала по коже, резкой внезапной болью сковала тело. Из глаз Лорелеи хлынули слезы, из сжатого горла вырвался крик чистой души, словно она помогала тому раненому животному в устье реки Блэкуотер.

Его дыхание становилось все слабее, кожа, несмотря на синяки, побледнела словно полотно.

Он умирал.

Не раздумывая, она сняла с руки перчатку и нежно прижала свою ладонь к его ладони, обхватив ее пальцами.

– Не уходите, – умоляла она. – Оставайтесь здесь. Со мной.

Его грубая грязная рука сжала ее с такой силой, что от боли у нее перехватило дыхание. Он повернулся лицом, но глаза остались закрытыми.

Даже это незначительное действие пробудило в Лорелее уверенность в том, что он все осознает. И, может быть, она каким-то образом поддержала его.

– С вами все будет хорошо, – напевно произнесла она.

– Не ври этому несчастному ублюдку. – Мортимер с отвращением скривил губы. – Он не гусь-подранок, не хромой котенок и не те заблудшие, которых ты вечно привечаешь. Здесь бинтом, тарелкой супа и трогательными песенками не отделаешься, на нем живого места не осталось. Лорелея, он умирает.

– Ты этого не знаешь, – произнесла она резче, чем хотела, и получила хлесткую пощечину за проявленную неосторожность.

– Это ты не знаешь, что с тобой будет, если еще раз заговоришь со мной в таком тоне.

Большинство девушек в подобном случае искали бы защиты у отца, но Лорелея уже давно поняла, что на защиту в жизни рассчитывать не стоит.

Щека у нее саднила, Лорелея опустила глаза. Мортимер принял это как знак покорности, но она так поступила, только чтобы скрыть ярость. Она уже научилась себя вести в моменты его безудержного гнева или нервного напряжения. И с ее стороны было большой глупостью забыть об этом, потому что она точно знала, на что он способен. То, с какой силой ее подопечный сжал ей руку, ничто по сравнению с тем, что она постоянно терпела от брата.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в ноге, Лорелея решила не реагировать на Мортимера, а склонилась над раненым убрать черную как смоль мокрую прядь волос с глаз, так страшно заплывших, что он не смог бы их открыть.

Напротив нее с брезгливым любопытством и отвращением лежащего мужчину рассматривал Мортимер.

– Интересно, что произошло с этим придурком. За всю жизнь не видел такого побитого человека.

Лорелея сдержалась и даже вида не подала при упоминании о жизненном опыте. Ему исполнилось всего двадцать лет, и вне стен спортивного зала он видел одну-единственную драку, учиненную им самим же.

– Подозреваешь, здесь не обошлось без бандитов? – с тревогой спросил из-за ее спины сэр Роберт, высматривая в сгущающейся темноте злодеев.

– Вполне возможно, – небрежно произнес Мортимер. – Или он один из них. К сожалению, мы близко к Галлоуз-Корнер.

– Мортимер, – засопел отец, – ты втащил в мою карету преступника. Что скажут люди?

На фамильном гербе Везерстоков красовался девиз «*Fortunam Maris*» – «Счастье с моря». Но спроси кто-нибудь у Лорелеи, каков девиз ее семьи, она ответила бы: «*Quid dicam homines?*» – «Что скажут люди?».

Всю жизнь это были любимые слова – и величайший страх отца.

Лорелея открыла было рот возразить, но брат, мстительно сверкнув глазами, словно королевскими сапфирами, ударил ее по губам.

– Если бы я бился об заклад, то ставил бы на то, что его заказали. В обычной драке парня так не калечат, без особых указаний – отомстить или убить. Видать, он из тех джентльменов, кто пытается сбежать от долга, проиграв все подчистую синдикату. Или, может быть, несколько местных отделали его за бесчестие сестренки... Хотя нет, *те части* как раз не тронули. Не правда ли, Утка? – Лукавое выражение его лица говорило о том, что он поймал взгляд Лорелеи, направленный туда, куда не следовало.

Мучительная краска стыда залила ее лицо, она еще долго не могла заставить себя посмотреть в безжалостные глаза Мортимера. Только глазами они с братом похожи. Отец называл их драгоценностями Везерстоков. Она ненавидела зеркала – из них на нее пристально смотрели глаза брата.

Она потупила взор, полностью погружившись в изучение грязных ногтей на руке. Ладонь бедняка по сравнению с ее казалась сплошной мозолью. Огрубевшая кожа на костяшках его пальцев, словно на старой туфле, была сбита и сорвана.

Что бы с ним не случилось, он давал отпор.

– Он – не джентльмен, – установила она. – Слишком мозолистые руки. Может, батрак или конюх с какой-нибудь соседней фермы?

Несложно было представить, как он этими руками ловко управлялся с веревкой, чтобы обуздать жеребца. Два огромных великолепных существа, сошедшихся помериться силами в поединке.

– Больше похож на конюха, – фыркнул Мортимер. – Готов поспорить на наследство, он моложе меня.

– Что ты такое говоришь?

Из-за измененных до неузнаваемости черт Лорелея терялась определить возраст мужчины. Ни одной седой ниточки в черных, словно мгла, волосах, и у раздувшихся губ не было ни морщинки, поэтому она поняла, что он не старый, но кроме этого...

– Волосы растут у него не как у взрослого.

– Но он такой большой, – заключила она. – Так как на груди очень сильные ожоги, понятно, что все волосы опалились.

– Я говорю не о его груди, дура, о его пах...

– Мортимер, прекрати, *пожалуйста!*

Лорелея вздрогнула. Слова прозвучали почти как выговор, так строго, насколько хватило смелости у отца. Мортимера это очень разозлило. Ей повезло, что он успокоился, хотя, может быть, впервые в жизни Лорелея жалела, что брат не договорил до конца.

Дорога была так ухабиста, что экипаж страшно трясло, и Лорелея едва не упала на раненого. Его грудь поднялась, но вместо стога боли из горла вырвался только жалкий хрип и бульканье.

– Простите. Я не хотела, – всхлипнула она.

Потеряв равновесие, она упала на колени, повиснув над ним, и слегка коснулась его пальцами в поисках опоры, стараясь не причинить боли его содрогающемуся телу.

Но тщетно. Он был одной сплошной раной.

Слезы брызнули у нее из глаз и упали на его израненные пальцы.

– Утка, может, все-таки сядешь? – самоуверенный голос отца напомнил ей набирающий силу звук свистка оставленного на плите чайника. – Не подобает благородной барышне ползать по полу.

Вздохнув, она облокотилась на обитое золотым бархатом сиденье, пытаясь подняться и снова сесть.

Но почувствовала, как кто-то с силой дернул ее за локоть, не давая подняться.

– Лорелея, я сказал – сядь! – негодовал сэръ Роберт.

– Я не могу, – задыхаясь, с опаской промолвила она. – Он не отпускает меня.

– А это что еще здесь такое? – Мортимер стер с напряженных мышц предплечья несчастного грязь, но под ней темнело пятно. Когда он очистил получше, начал проступать рисунок с искусными углами и изгибами, отталкивающий и притягивающий одновременно, а также четкий и ясный, если бы не многочисленные раны.

– Птица какая-то? Змий-искуситель?

– Нет, – покачала головой Лорелея, внимательно изучая причудливые очертания. – Это дракон.

Глава вторая

Вдох причинял ему нестерпимую боль, выдох – непереносимые страдания, – и каждый длился как будто целую вечность.

Стараясь не поддаваться панике, едва не вызванной страхом и болью при пробуждении, он лежал в полной темноте с повязкой на глазах. Он начал восстанавливать череду событий. Неистово с твердой решимостью восполнял в памяти горестную летопись произошедшего.

Что он знал: он человек, рожденный в скудельнице. Повитух, отправивших его в чуждый мир, звали огонь и мучение. Братьями ему были вороны, пировавшие мертвечиной.

Огонь был щелочью, химикатом, которым облили трупы, чтобы быстрее разложились.

Мучение и больше ничего.

Он страдал амнезией. Смысл слов для него ничего не значил. Бестелесные голоса постоянно повторяли это с возрастающим интересом.

Голова была настолько повреждена, что им пришлось полностью забинтовать ее, оставив только рот. Постоянные головные боли не давали ему покоя, и в особенности непрерывная пульсирующая боль в виске.

Он жил в Англии, но не помнил где.

У него было пять переломов: сломана левая лодыжка, два ребра, ключица, нос.

В глазу что-то лопнуло, от чего тот покраснел и вздулся.

Вчера он сел и смог приподнять раненое плечо немного выше, чем прежде, хотя оно все еще оставалось крепко прижатым к груди повязкой.

Ожоги перестали мокнуть, покрылись корками и струпьями и начали зарубцовываться.

И хотя он не видел, но слышал превосходно.

Все, что знал о себе и своем окружении.

Уже несколько недель он находится среди незнакомых людей.

Внимательный врач: доктор Холкомб. Человек с грубым голосом и осторожными руками, работающий резковато, но действенно. Холкомб собрал почти всю информацию о врачах, разбирающихся в медицине и нет.

Дряхлый старый дурак: сэр Роберт Везерсток, граф Саутборн. Обеспокоенный. Удрученный. Нерешительный. Постоянно возился с чем-то, что издавало глухие щелчки. Часы? Его шаги шаркали по полу, как по наждачной бумаге, а голос, когда он говорил шепотом, часто дрожал.

Человек, которого он хотел убить: Мортимер Везерсток. Тот, кто презрительно и колко разговаривал с другими. Каждое замечание было странным и мрачным. Каждый ответ – оскорблением. Его шаги гремели, словно удары молота, расшатывая и без того натянутые до боли нервы. В те редкие моменты, когда приходил Мортимер, резко поднималась температура. В сердце клокотала ненависть, а с губ срывалось яростное рычание.

И наконец... она.

Девушка, ради которой он просыпался.

Доктор Холкомб обращался к ней «мисс Везерсток». А двое других – «Утка». Если бы он мог с этим что-нибудь поделать... они бы ее больше так не называли.

Губы раздвигались в дыхании, освященном воспоминанием о ней, и он уронил на сердце не зафиксированную повязкой руку.

Он страстно желал узнать ее имя – сильнее, чем вспомнить свое.

Вспыхнувшее чувство беспокойным жаром разлилось по щекам.

Ее божественный голос вернул его из безвозвратно манящей пропасти, над которой он парил в лихорадке первые дни.

– Не уходите, – бормотала она. – Оставайтесь здесь. Со мной.

Так он и поступил.

Он остался жить только потому, что она велела ему.

Каждый раз, когда смерть соблазняла его избавлением от страданий, он медлил в ожидании еще раз услышать наставления нежным тембром голоса. И так снова и снова. Легкое прикосновение пальцев к его ладони почему-то затмевало ужас пустоты его прошлого. И сразу становилось неважно, кто он. И что с ним станет.

Он с все большим нетерпением ждал ее визита.

Когда его приводили в порядок, промывали раны, накладывали швы или всего лишь меняли повязки, она была рядом. Прикасалась к нему. Еле слышно шептала слова утешения и хвалила за то, что выздоравливает. Она предвещала ему полное восстановление.

Иногда она ему пела высоким, нежным голосом... но лишенным артистизма и выразительности. Боже, это было просто ужасно. Но едва она заканчивала петь песню, он готов был заложить душу дьяволу, чтобы она спела еще.

К чему тогда небо и земля, если нет ее?

Ни к чему.

Она была его молитвой в ночи. Его песней во мраке. Его прошлым и настоящим. Его будущим.

И он еще ни разу ее не видел.

Не имело значения, как она выглядит. Его сердце уже решило биться ради нее.

Уши пронзил звук ее неровных приближающихся шагов, он пытался восстановить дыхание от сдавившего грудь волнения.

Он сглотнул, как только едва слышно открылась на хорошо смазанных петлях дверь. Ее шаги звучали в унисон с ударами его сердца. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Она что-то поставила на тумбочку справа от него, и по тому, как слегка прогнулся матрас, он понял, что она устроилась у его изголовья. Усилив воли он поборол желание повернуться к ней. Скрутиться калачиком вокруг нее. Он сжал лежащую на груди руку в кулак. Он задрожал, понимая, что она прикоснется к нему, но не знал когда.

Моменты между ее появлением и прикосновениями были самыми мучительными.

Он никогда не разговаривал с ней. Никогда не дотрагивался до нее. Не потому, что его израненное тело не позволяло это сделать, но потому, что он был абсолютно уверен, что его руки запачкают ее совершенство. Он представлял себе их грязными. Запятнанными таким позором, который невозможно смыть.

Всякий раз, как только он открывал рот что-то сказать, страх вызвать у нее отвращение и того, что она оставит его, ледяными пальцами сдавливал горло. Погружая в удушающее безмолвие.

Если он останется неподвижным... она не уйдет. Если он ничего не скажет, то не обидит ее.

Если он не будет дышать, то она, вероятно, прикоснется к нему.

К его бесконечному удивлению... это неизменно срабатывало.

Словно ответом на молитву, ее пальцы прикоснулись к его запястью, поднимая здоровую руку, чтобы обхватить ее двумя маленькими ладонями.

– Потрясающая новость, – пропела она восторженным шепотом, словно выдавала невероятную тайну. – Доктор Холкомб сегодня снимет с головы повязки.

Ее слова дошли до него только через минуту, и он открыл рот от удивления. Не только потому, что появился шанс снова видеть. Или дышать через нос. Но и потому, что она крепко прижала его руку к своей груди. Чуть ниже горла.

Завязки царапнули костяшки его пальцев, и ряд пуговиц вдавился в ладонь.

Она прижала щеку к его пальцам, и он почувствовал ее улыбку.

Воистину, дуракам счастье, теперь он может умереть спокойно. Он заставил ее улыбнуться.

Доктор Холкомб вошел уверенно, широко шагая.

– Ну что, старина, как насчет того, чтобы снова посидеть?

Раньше доктору Холкомбу он отвечал. Словами. Когда они были наедине. Ему никогда еще не приходилось говорить при мисс Везерсток, к тому же прижимающей его руку к своей груди.

Должно быть, он кивнул, потому что почувствовал, как сильные руки Холкомба оказались между подушкой и плечами. Им троим пришлось повозиться, прежде чем в очередной раз его усадить.

Закружилась тьма, и мир опрокинулся.

Она не отпустила его. Схватив за руку, удержала его, словно якорь. Постепенно головокружение и звон в ушах прекратились, затихая, словно вибрация струны какого-то щипкового инструмента, теряя яркость и остроту, пока бесследно не исчезла.

– Вы готовы? – спросил Холкомб.

Он сглотнул и кивнул.

Едва слышный стрекот ножниц эхом отдавался у него в голове. Он задержал дыхание, когда ослабла тугая повязка, и ее рука сжала его крепче. Он не понял, кто из них дрожал. Может быть, они дрожали оба.

Сначала сняли бинты в нижней части лица, затем с глаз, которые он тут же вылупил.

В золотом очертании плясали сапфиры.

– Вы меня видите? – прошептала она, чуть дыша.

Он должен ей ответить. Воистину должен. Но казалось, все на свете перестало слушаться его. Ни одно слово не могло пробиться сквозь толщу его горла.

– Закройте глаза, пожалуйста, – отрезал доктор Холкомб.

Он с досадой повиновался и покорно дал врачу промыть мокрой теплой тряпкой нос, затем он сразу же, как только улучил момент, открыл глаза. Его пристальный взгляд жаждал ее.

– Вы меня видите! – воскликнула она.

Видит ее? Он поглощал ее. Пожирал ее. Заполняя мельчайшими подробностями опустошенную память с нечеловеческой точностью. На самом деле он больше ничего не мог видеть. Да и не очень хотел.

Пухленькие щечки с ямочками, сиявшие очаровательной улыбкой. Полные чувственные губы. Копна непослушных темно-медовых кудрей, разметававшихся поверх простого персикового цвета платья.

Он понял, что не поэт, потому как слова, приходившие ему на ум, одновременно грубы и неуместны.

У него не было идеала, с чем сравнивать ее. Ни одной метафоры. Но он вспомнил статую ангела, возвышавшуюся над тюремным двором. Нежную и в то же время торжественную, с каменными волосами, струящимися на сложенные в молитве руки. Ее голова была слегка наклонена, и благосклонный взгляд словно охранял покой уснувших.

Мысль о том походившем на нее ангеле, скупавшем по нему, любившим его, считавшим его ушедшим, давала силы ползти, невзирая на переломы и ожоги, под проливным дождем к обочине дороги.

Но за эти несколько недель, проведенных в темноте, размышляя через боль, он кое-что осознал. Никто за ним не пришел, хотя старый граф раструбил о нем по всей округе. Он очнулся в могиле для нищих, его спасли, постылого и никому не нужного.

Или хуже того. Проклятого.

У него были враги. Те, кто избил его до полусмерти. А может даже, они считают, что и вовсе убили.

А теперь... у него появился настоящий ангел. Тот, кто вернул его к жизни. Воплощение красоты, не передаваемой ни одним художником. Ее лицо – творение любящей небесной руки.

Она была юной. *Совсем* юной.

А он? Он так не думал. Он чувствовал себя старым как мир.

Несмотря на то что полуденного света в помещении вполне хватало, они задернули шторы и зажгли одну-единственную свечу, для первого знакомства. *Она* вся будто сияла изнутри, излучала свет одновременно таинственный и чистый. Ее широко открытые лазоревые глаза сверкали подобно драгоценностям на фоне чистой, точно покрытой золотом кожи. Она, определенно, была слишком мягкой, чтобы быть настоящей. Слишком божественной, чтобы быть смертной. Слишком золотой, чтобы быть созданной из глины, как он.

А он...

«О черт меня побери! – думал он. – На кого я похож?»

Ему нужно... кое-что. То, чего нет ни в темном шкафу у дальней стены, ни на тумбочке, но...

Вот оно. Над раковиной цвета слоновой кости справа от него.

Зеркало.

– Вам сейчас... лучше не смотреться.

Нос сморщился от беспокойства, а на лице она, поняв истинную причину его смятения, с трудом сохраняла выражение напускного хладнокровия.

Его плечи обессилили и поникли. Он хотел вырвать себе глаза. Хотел, чтобы она отвернулась. Оставила его. Его сердце съежилось, будто охалка сырого мусора, брошенного в огонь.

Потому что она подтвердила его худшие опасения.

– Я – чудовище, – простонал он.

Неужели это его голос? Такой скрипучий и шершавый, как та выгребная яма, из которой он выбрался.

Черт, неужели это первые слова, сказанные им ей?

– О нет! – Она еще сильнее сжала его руку. – Не смейте так думать! Вы – чудо! Настоящее чудо.

Блеск ее глаз был так убедителен, что он не мог смотреть в них.

– Вы не должны лгать. – Взглянув на впечатляющие, курчавые, точно баранье руно, бакенбарды доктора Холкомба, он ощутил спазм в желудке от мрачной пустоты.

– Нос ваш срастается не так ровно, как я надеялся, и опухоль больше, чем я ожидал. Что насчет остальных... ваших легких ранений, то их исцеление займет не так много времени. Чуть больше потребуется на лодыжку, на нее не следует наступать, пока я через несколько недель не освобожу вас от гипса.

Доктор наклонился, чтобы взять свечу и, держа ее перед глазами, проверить реакцию зрачков.

Он сжался, словно хотел спрятаться от мужчины. Эмоциональный порыв был настолько мощным, что он, не желая того, вздрогнул. По коже побежали мурашки, а в крови загудели свирепость и... страх.

Холкомб сделал вид, что не заметил.

– Хотя ваш глаз все еще красный, он реагирует на свет и движение. Вы видите так же, как прежде?

Правда была в том, что он понятия не имел.

– По-моему, я прекрасно вижу.

– Все сказанное мисс Везерсток верно. Ваше выздоровление – не что иное, как чудо. Честно признаюсь, я не ожидал, что вы выживите.

– Вот видите? – подбадривала она. – Чудо, а не чудовище. И потом, чтобы считать себя чудовищем, нужно сначала совершить что-нибудь чудовищное.

Он совершил.

Это откровение камнем прокатилось по всему телу. И доказательством служила его свирепая неосознанная реакция на все и всех.

Кроме нее.

Продираясь сквозь болезненную пустоту своего разума в поисках хотя бы малейшего намека на прошлое, он так ничего и не обнаружил. Он ничего о себе не помнил. Ни имени. Ни возраста. Ни происхождения. Даже цвета волос и глаз.

Тем не менее мощные, почти животные знания открывали ему ужасающее представление о своей сущности.

Он понял, что знает о вещах, о которых могло знать только чудовище. Заметил то, что заметило бы только чудовище.

Он смог бы убить. Вот тем декоративным ножом для открывания конвертов, подушкой, что под головой, кувшином для воды, разбив его вдребезги. Он смог бы и всегда мог вспарывать артерии, а если надо, то и горло целиком. Он точно знал, как нанести смертоносный удар. И сколько времени на это потребуется. Где применить силу, а где лишь нажать.

Боль была не только тираном, удерживающим его ни на что не способным, прикованным к этой кровати. Она была его инструментом. Его другом. Единственным другом, которого ему удалось вспомнить.

И как же так случилось, что он ничего о себе не помнил, однако с точностью сохранил навыки?

Прикосновение доктора вызывало непонятное отторжение. Сильный с холодным взглядом мужчина. Тот, в ком было больше силы, чем в нем.

Пока что.

Этого он не мог терпеть. Почему?

Он уничтожающе уставился на доктора Холкомба, измерявшего пульс на его горле.

Холкомб неодобрительно взглянул на него, прежде чем встать.

– Я, пожалуй, схожу к барону и расскажу новости. – Он задержался в дверях. – Мисс Везерсток, не желаете составить мне компанию?

– Я останусь и прослежу, чтобы наш пациент съел хотя бы несколько ложек супа.

– Вы уверены, что вам стоит находиться наедине с...

– С нами будет все хорошо, доктор Холкомб, спасибо вам большое за все.

Даже ее отказ звучал как комплимент.

Доктор подозрительно сощурил глаза.

– Как вам будет угодно.

И они остались одни.

Неужели она слышала, как бешено колотится его сердце? Увидела, как быстро поднимается и опускается его грудь? Чувствовала ли она, глядя на него, что-нибудь еще, кроме жалости?

Она выпустила его руку и потянулась за тарелкой супа у его кровати.

Растерявшись, он положил опустевшую руку снова на сердце, которое скорее болело, чем билось.

– Проголодались? – спросила она.

Не в силах опять найти слова, он лишь кивнул. Он не мог думать о еде. Не перед ней. Она – леди, изысканность проявлялась в каждом ее жесте. А если он сделает что-то неприличное?

– Очень хорошо. – Она подняла ложку. – Я кормила вас каждый день, все время, пока вы здесь. Это ваш любимый.

Неужели? Он взглянул на коричневую жидкость, в которой что-то плавало.

– Не возражаете, если я первая попробую? – Она поднесла полную ложку того, что напоминало бульон с водянистыми овощами, к своим полным розовым губам.

У него пересохло во рту, неотрывно глядя, как она пробует ароматный кусочек тушеного мяса. Он убрал руку с груди и прикрыл ею свои чресла.

– М-м-м, – простонала она, выражая высокую оценку. – Сегодня особенно вкусно.

Сбитый с толку реакцией своего тела на нее, он скрестил бедра и, пошевелившись, застыл от боли.

– Вы должны есть, чтобы выздороветь. – Ее глаза превратились в озера сострадания. – Неужели ничего нет такого, что заставило бы вас хоть немного поесть? Что бы это могло быть?

– Ваше имя... – Слова исчезли прежде, чем он закончил выражать свою мысль. Она быстро заморгала и, затрепетав, чуть было не выронила тарелку. Она порозовела, словно персик, вспыхнула от смущения. Он отметил это на будущее.

– Лорелея. Меня зовут Лорелея Везерсток.

Лорелея. Он не отважился повторить ее имя. Оно слишком прекрасно. Слишком поэтично. Сначала ему нужно потренироваться. Научиться произносить его, прежде чем обращаться к ней.

– Вы человек слова? – спросила она.

Его сердце остановилось.

– О чем вы?

Был ли он человеком слова? У него появилось зловещее предчувствие, что нет.

– Вы сказали, что поедите.

– Ах... да. – Это он мог сделать. В тот момент он действительно понял, что никогда не нарушал обещаний, данных Лорелее. Он сдержит свое слово или умрет ради нее.

Она опустила ложку, зачерпнула еду и поднесла к его губам.

Как только он начал есть, она непроизвольно повторяла за ним все его движения, открывала и закрывала рот, подобно зеркалу. Проглатывала, когда он глотал, как будто обучала его принимать пищу.

Она его совершенно ошеломила, он даже не почувствовал вкуса еды, пока не съел вторую ложку.

Она говорила правду. Еда была очень хороша. Суп приготовили из темного соленого мяса, сладкой моркови, картофеля и зелени, и его изумительный вкус он не мог ни с чем сравнить. Что-то ему подсказывало, что он не привык к хорошей еде.

Дотронувшись языком до ложки, он подумал, что это недозволительная близость – делить с Лорелеей один и тот же столовый прибор. Пробовать то, что пробовала она. Прикасаться ртом к тому, чего касалась она.

Может быть, *она* была тем секретным ингредиентом, благодаря которому еда оказалась такой вкусной?

– Вам, наверное, интересно, из-за чего этот бульон получился таким вкусным, – догадалась она.

Он моргнул. Неужели она умеет читать мысли? Он сразу отбросил эту нелепую идею. Если бы это было так, она бы с криком выбежала из комнаты.

Он почувствовал, что не в состоянии глотать, глядя на ее губы, ее глаза, ее волосы, ее шею, то, что ниже шеи или... в общем, на самом деле, на всю ее целиком. Он загляделся на маленький непослушный завиток, непринужденно торчащий у мочки уха. Тот танцевал и мерцал в свете одинокой свечи, словно бриллиант, радужно переливаясь всеми оттенками синего, зеленого и розового. Может быть, он создан из перламутра?

Она протянула ему очередную ложку, и его внимание привлекло синюшное пятно у нее на запястье. Синяк проступал сквозь тонкое кружево ее рукава. Фиолетового оттенка, начинающий приобретать неприглядную желтизну. Она ушиблась?

– Это – соль, – таинственно сказала она.

– Это – что? – Он задумался, и, посчитав, что он долго не жует, она влила еще ложку супа ему в рот.

– Соль с реки Блэкуотер – лучшая в мире и самая редкая. Ее очень трудно произвести, потому что ее очень мало, но у нас, местных, есть способы. – Она одарила его таким озорным подмигиванием, что он едва не подавился.

Лорелея. В ее имени та же копна кудряшек, что и в непокорных льняных локонах, что струясь ниспадали на плечи. Короткие пряди сиянием обрамляли лицо. Очень даже подходит. Такое прекрасное имя, и почему они?..

– Почему они зовут вас уткой?

Даже в золотом свете было видно, как она побледнела.

– Вы не знаете?

Он покраснел вместе с ней, жалея, что сказанного не воротишь. Или не выдерешь этой самой ложкой свой глупый язык. Да он готов был сделать что угодно, лишь бы не видеть этой униженности в ее глазах.

И все потому, что она неровно ходит. За этим что-то скрывалось. Он должен был догадаться.

Но он все же надеялся, что прозвище скорее ласковое, нежели глумливое. Данное в семейном кругу девочке, склонной спасать осиротевших утят или что-нибудь подобное. В моменты его просветления она рассказывала ему о своем маленьком зверинце. И в эти благословенные моменты он не желал избавиться от брэнной плоти, слушая ее рассказы о шаловливых выходках животных.

Он понимал, что облачен в чужую рубашку с длинным рукавом. Жуткие струпья растянулись по всей руке, туловищу и опускались ниже талии. Он не мог их видеть, но явственно ощущал их угрожающее присутствие на теле по постоянному дерганью и не проходящей боли.

– Давным-давно я сломала лодыжку, – пробормотала она. – Прямо как вы. Но мою вовремя... не вылечили.

Зачерпывая еще одну ложку супа, она заставила себя улыбнуться, тем самым давая понять, что не желает продолжать этот разговор.

Он послушно ел.

Звук шагов тяжелых сапог нарушил возникшую тишину. Большой, светловолосый, мускулистый – подобным образом он представлял себе негодяев, именно так Мортимер Везерсток и выглядел. С видом князька, наблюдающего, как забивают скотину к его ужину, он окинул взглядом обстановку. И эта новая бойня была и отвратительной, и захватывающей.

– Доктор Холкомб сказал, что страдалец пробудился... Боже милостивый. – Его красивое румяное лицо скривилось в гримасу. – Как тут все уродливо комично. Хуже, чем я думал, Утка.

– Не хуже! – Она недовольно фыркнула брату. – Не хуже, – и быстро снова повернулась к нему, чтобы успокоить. – Доктор Холкомб сказал, что вам очень повезло – ведь дождь шел в тот день, когда облили щелочью ваше... тело. – Она прошептала последнее слово, словно оно что-то пикантное. – Вода ослабила ее воздействие. Вам снова повезло, что через ожоги не попала инфекция. И теперь, когда струпья зарубцуются, вы полностью исцелитесь. А пока... лучше вам не смотреться в зеркало, хорошо? Обещаете-те мне?

Он открыл рот, чтобы возразить, но полная ложка супа вновь заполнила его, и он не смог даже пискнуть.

Его шаловливый ангел был хитроумнее, чем он себе представлял.

Он пристально смотрел на обоих, разжевывая особенно жесткий кусочек мяса из супа.

Мортимер коснулся плеча Лорелеи своими холеными ухоженными пальцами, и та вздрогнула, будто ее ужалила оса.

Его сердце бешено заколотилось. Синяки на ее запястье... размером с палец. С два пальца. И если бы она подняла рукав, – он готов поспорить, – то увидел бы и другие. Там, где ее грубо хватал этот нависающий над ними неуклюжий мужлан.

– Вы правда ничего не помните? – Мортимер почесал голову. Его волосы были на несколько оттенков светлее, чем у сестры. – Ни своего имени? Ни своих родителей? Ни где вы живете?

Каждый раз, когда он пытался вспомнить то, что не мог, его охватывало раздражение. Как и сейчас. Глотая вареное мясо, он покачал головой.

– Про такое я уже слышал... – Мортимер пригладил пробивающиеся над верхней губой усики, напоминавшие цыплячий пушок. – У солдат и тому подобных. Вы солдат?

Что за чертовски дурацкий вопрос.

– Я не знаю.

Их взгляды встретились, и его взор приковали полные ненависти голубые глаза Мортимера.

Если волосы Лорелеи были медово-пшеничные с темно-золотыми прожилками, а ее безупречная кожа загорела от постоянного пребывания на солнце, то Мортимер был попросту... желтым. Даже скорее землистым. Его волосы, его смехотворные усики, его бледная кожа нездорового оттенка, выглядевшая еще болезненнее в сочетании с шелковым домашним халатом горчичного цвета.

Он напоминал обезьяну. Слишком длинные руки на коротком туловище. Согбенный, безразличный, хотя и наделенный грубой силой. Желтая горилла – едва достоин называться человеком.

– Вот еще одна. – Лорелея поднесла следующую ложку супа, чтобы разрядить напряженную обстановку в комнате. – И с этим покончим, хорошо?

– Как вам кролик? – спросил Мортимер.

– Кролик? – Между бровями у нее появилась милая морщинка. – Повар ничего не принес с рынка, а ты в результате кое-что поймал в силки?

– Нет, – растягивая единственный слог, переполненный предвкушением пытки, произнес Мортимер.

– Мортимер... что ты сделал? – Убрав полупустую тарелку в такой спешке, что залила супом стол, Лорелея встала напротив брата.

Страх, непонятный юноше, охватил ее черты лица.

– Зачем затруднять себе жизнь установкой силков для кроликов, когда на заднем дворе в клетке уже есть превосходные экземпляры? – Мортимер явно наслаждался, наблюдая, как исказилось лицо сестры. Ужас от потрясения постепенно сменился глубокой печалью.

– Нет, – зарыдала она, хватаясь за горло. – Мортимер, как ты мог!

Ее брат пожал плечами.

– Да ладно тебе, Утка. Это всего лишь кролики. Какая разница, поймаю я их силками на поле или возьму из клетки?

– Ты знал, что они мои, я их спасла от голода, когда они остались сиротками. У них были имена, Мортимер! Они были моими друзьями!

– А теперь они стали твоей едой, – самодовольно сказал Мортимер.

– Мы... ели их. – Вся краска сошла с ее лица, по которому пошли лиловые пятна. Лорелея прижала рот ладонью, ее передернуло один раз, другой, затем она бросилась из комнаты так быстро, насколько позволяла ее хромота.

– Смотреть на то, как она бежит, всегда меня веселило, – хихикнул Мортимер.

Не способный дотянуться до нее со своей кровати из-за проклятых ран, юноша наблюдал, как Лорелея, держась за стену, спасалась бегством, исчезая за углом разъяренным облаком кудряшек.

Желчь разлилась в его груди, заполняя рот тягучей жидкостью. Его скулы свело, и к горлу подкатил ком жгучей ярости, раскаленной, словно угольный брикет в камине.

– Что за дурочка, – сочувственно произнес Мортимер. – Даже если она и собиралась выпустить на свободу тех тварей из клетки, они в любом случае оказались бы у меня в силках. Или на прилавке мясника. Пойдем ли мы когда-нибудь женщин?

– Вы... сделали это нарочно. – В конце концов он совладал со своим горлом и резко произнес слова, преодолевая гнев. – Чтобы обидеть ее.

Голубые глаза превратились в гранитно-серые.

– Поосторожнее, калека. Отец сказал, что вы можете остаться у нас, но только потому, что я этого хочу.

– Зачем? – Он имел в виду жестокое обращение Мортимера со своей дорогой сестрой, но тот понял его иначе.

– Мне скучно. – Мортимер еще раз повел плечом, словно подчеркивая свое безразличие. – А вы загадка, которую я хочу разгадать.

Гнев не утихал. Он разлился по телу расплавленным металлом, застывая в форме будущего оружия. Добрался до беспрестанно пульсирующей сломанной лодыжки. Дробью проник в голову. Острым уколом – под ребра при каждом вдохе. Он придавал ему сил, воссоздавал его.

Этот гнев придаст ему сил. Безусловно... но не сейчас. Потом, когда окрепнет.

Мортимер продолжил:

– Вы бы видели себя. Когда ожоги пузырились, а потом лопались. Это было самое отвратительное. И Утка постоянно крутилась у доктора Холкомба под ногами, играя в медсестричку. Травы принесет с болота. И давай готовить для вас зелье. Удивляюсь, как она вас не отравила или не накормила какой-нибудь ерундой.

Они оба уставились в коридор, в котором скрылась девушка.

– Не привязывайтесь, – презрительно фыркнул Мортимер. – Вы для нее лишь очередная дикая зверушка. И как только вы подлечитесь, она вас выпустит на свободу, чтобы вы снова влезли в какое-нибудь дерьмо. Она никого из своих подопечных долго не держит. Тем более, какой интерес может быть между высокородной калекой и худородной калекой. Хотя было бы уморительно понаблюдать за тем, как вы вдвоем куда-нибудь идете.

Жар в его венах молниеносно превратился в лед. Закалял его. Его кровь успокоилась, ожидая нового приказа. Он настроился на вспышку гнева, на адское пламя ярости. Но нет. Он понял, что испытывал это чувство прежде. Прежде, чем лишал жизни.

Или жизнью.

Невозмутимо. Хладнокровно.

«Итак, – спокойно думал он. – Я все-таки чудовище».

И в этот момент он был этому рад.

– Вы считаете себя опасным, так ведь? – безошибочно определил Мортимер.

– Ничем я себя не считаю.

– Может быть, так и есть. Знаете, мы с доктором Холкомбом ходили к тому открытому могильнику, заполненному жертвами холеры из Ист-Энда. Королева хорошо заплатила, чтобы их похоронили подальше от города. Вперемешку с теми трупами бросили, так, для разнообразия, несколько тех, кто встретил свою судьбу на Галлоуз-Корнер. Иногда... прежде чем заполненный могильник закроют плитами, одна или две жертвы убийства попадают в эту груду.

Мортимер наклонился, неприятно приблизив свое большое квадратное лицо.

– Доктор Холкомб говорит, что вы слишком крупный и здоровый, чтобы страдать холерой. У вас синяки вокруг шеи, но они не от веревки. Так кто вы, нам интересно? Преступник или жертва?

Может быть, и тот и другой.

Мортимер нежно потрепал его раненую руку.

– Не исключено, что когда-нибудь выяснится, кто из нас опасней...

Мортимер выпрямился, насмешливо фыркнул и, резко развернувшись, вышел, непри-
нужденно сцепив руки за спиной.

Он задрожал в свете одинокой свечи, браня свое беспомощное тело. О, Мортимер Везер-
сток найдет, как выгодно его пристроить...

В один прекрасный день он накажет брата Лорелеи за все синяки на ее невинном теле.

За то, что он заставлял ее плакать.

Глава третья

Лампа в руке Лорелеи дрожала, обращая полуночные тени в зловещие призраки, пока она, с трудом передвигая ноги, кралась по коридору. Казалось, что громкие удары ее сердца эхом отражаются от стен восточного крыла Саутборн-Гроув. А ее дыхание в полной тишине гремело, как выстрелы скорострельного пистолета. Оно было настолько громким, что его могли слышать призраки.

Разбуженная ужасными звуками, она подумала, что это снова Сайрус и Жанна д'Арк. Вой и драка. У гончих было всего семь ног, три глаза и один хвост на двоих, однако они продолжали играть, как щенки. И временами игра принимала серьезный оборот.

Однако они не были ночными животными.

Саднящие душу звериные крики привели ее к *его* комнате. Она застыла перед дверью, прижав ухо к холодному дереву.

Ни одно из известных ей животных не способно издавать такие звуки.

И ни один человек.

Мучения, вызывающие такие почти потусторонние крики. Завывания. Мольбы. А потом долгий жалобный стон, слишком хриплый для плача, но не доходящий до пронзительного визга.

Что-то в этом шуме заставило кончики ее пальцев в сомнении замереть на дверной ручке. А если он там не один? Может, его кто-то терзает? Очень похоже. Надо ли ей идти на помощь?

А если его терзал Мортимер?

Она решительно распахнула дверь и ворвалась в комнату.

Лорелея не знала, радоваться ей или печалиться оттого, что его огромное тело сражалось исключительно с темнотой.

И какие демоны не давали ему спокойно спать?

От веревок доктор Холкомб освободил его пару дней назад, и теперь эти длинные сильные руки с пугающим отчаянием отражали незримых нападавших.

– Вам меня не достать, – рычал он. – Не сегодня.

Кто на него нападал? За что?

Фонарь она поставила у двери, решив, что приближать его к молотящим воздух конечностям небезопасно. Осмелившись подойти, Лорелея увидела, как влажные простыни обвинили его сухощавые вертящиеся чресла. Его пижама валялась на полу, словно он, сорвав ее с тела, намеренно отбросил подальше.

Лицо его оставалось в тени, мечась из стороны в сторону так, что на шее вздувались жилы.

– Только дотронься этим до меня, и ты пожалеешь, – предупредил он.

– Я? – сложив руки, пискнула она.

– Клянусь, я выпотрошу тебя тупым ножом и поймаю твой труп!

– Простите? – выдохнула она.

Его голос казался моложе, чем днем. За бравадой слышалась нотка страха.

– Отпустите меня! – угрожал он. – Отпустите... меня, – теперь умолял он.

Умолял. И наносил удары. Сражение, как становилось все очевиднее, он ужасающе проигрывал.

«Боже милостивый! Пусть это будет ночной кошмар, а не... воспоминание».

Лорелея должна это остановить. Любым способом.

Его огромные кулаки все равно что молоты. Это ей известно. Но как она могла не подойти?

Драгоценные секунды ушли на разработку плана. Где можно коснуться мужчины, терзаемого жутким кошмаром, и не получить увечий? Пугливого коня хватают за холку. Змею сжимают под челюстями. Кролика берут за обе ноги и держат вверх тормашками, пока прилив крови к голове его не успокоит. Собаке вцепляются пальцами в горло, как зубами вожак стаи.

Ты их гладишь, успокаивая. Чтобы заслужить их доверие, ждешь, когда они сами сделают первый шаг навстречу.

Однако для своей же безопасности зверя сначала надо приручить.

И главное – ни за что не касаться морды ни крупных, ни мелких тварей.

Но мужчина? Что он за зверь? Не зная, как успокоить неистовую душу, она хотела уйти. И не могла.

Он тяжело застонал, когда она решила подойти к кровати. Его щеки были мокры от слез. Черные волосы спутались от пота.

Его кто-то терзал. Этого она вынести не могла.

Костяшками пальцев он чуть не поразил ее в горло, она едва увернулась, успев опереться ладонью на его перевязанную бинтами грудь.

– Проснитесь, – произнесла она, слегка тряся его за плечо. – Придите в себя.

Две огромные ладони схватили и сжали ее руки как железные кандалы. Когда он, задыхаясь, проснулся, все его тело дрожало, будто в конвульсиях. Он оторвал ее ладони от своего тела.

Боясь, что он сломает ей кости, она сама не сдержала стона пронзившей ее боли.

К ее удивлению, он ее не отпустил.

Он уставился на нее, его глаза были двумя вулканическими жерлами ярости. Зубы оскалились, острые и грозные. Он так тяжело дышал, будто только что на полной скорости пробежал лье.

Это был не тот мужчина.

Этот мужчина... просто чудовище.

– Это я, – пропищала она. – Лорелея.

Он отпустил ее так же стремительно, как схватил.

У него вырвался хриплый стон, когда он поглядел на свои руки так, будто те его предали. Он словно хотел избавиться от них.

Не обращая внимания на жгучую боль в руках, Лорелея осторожно провела пальцами по его горячему от лихорадки лбу. От ее прикосновений он вздрогнул.

– Это был только сон, – проворковала она. – Вы в безопасности.

Хотя он молчал, из уголков его глаз нескончаемым потоком текли слезы, сливаясь со струившимися со лба ручейками пота.

У него перехватило дыхание. Глубокие борозды легли между бровями, и все лицо напряглось.

– Вам больно, – громко сказала она.

Он снова что-то себе повредил? На груди повязка держалась прочно, как и бинты на плече, шее и правом боку, на его быстро заживающих ожогах. Ей послать за доктором? Или самой набраться смелости и проверить под облепившем чресла и запутавшимся вокруг ног одеялом?

– Чем я могу помочь? – лихорадочно спросила она.

За все то долгое мучительное время, что они выхаживали его, он не плакал. Ни разу.

И если он сейчас заплакал, значит, он совершенно измучен.

– Где болит сильнее всего?

Ей в лицо смотрели черные глаза с покрасневшими белками, словно в поисках ответа на вопрос, который он не решался задать. Между ними протянулись и сплелись нити доверия, добавляя мягкий пастельный оттенок в их гобелен.

Не говоря ни слова, он осторожно взял ее за руку и положил себе на сердце.

Кожа у него оказалась теплее, чем она ожидала. Жестче. Его пульс бился под ее ладонью в неровном и бешеном ритме, все еще ведя сражение, следы которого он тщательно стер с лица.

Он снова стал тем же стойким, как и прежде, только собравшаяся на его черных как сажа ресницах влага все еще превращала их в мокрые пики.

Она понимала его.

Его сильное, молодое и мужественное тело невероятно быстро шло на поправку. Но есть ли лекарство от одинокого и разбитого сердца?

Лорелея не могла ни о чем думать.

Его веки, трепеща, опустились, скрывая озера слез. Она почувствовала, что, кто бы ни смотрел на нее из темноты... он что-то спрятал. Он крепко сжал кулаки, что-то зарывая в простыни. Тени играли на его челюсти, когда он отстранился, пытаясь овладеть собой.

Инстинкт нашептывал ей, что она должна здесь очень аккуратно выдержать золотую середину между состраданием и жалостью.

В импульсивном порыве она отвела руку, склонилась над ним и прижалась губами к его груди, чуть выше сердца.

Он напрягся. Замер. Ровно настолько, чтобы задержать вдох, пока она не отстранилась.

– Это я тоже исцелю, – пообещала она. И она была готова на все, чтобы придумать, как залатать его разбитое сердце.

Он широко раскрыл глаза и посмотрел на нее так, словно она только что забрала у него или, наоборот, вернула ему душу.

Она нервно облизнула губы. Они отдавали мылом, солью и... им.

В воздухе вновь что-то поменялось, на этот раз опасно, гнетя ее предчувствием чего-то неведомого и непонятного.

Лорелея постаралась не обращать внимания.

– Вас кто-то мучил... во сне... Вы узнали, кто?

Он покачал головой.

– Те люди... они... – Его дыхание снова участилось, лицо скривилось от отвращения.

– Что они?

Он вздрогнул.

– Неважно.

– Я могу чем-то помочь?

Она склонилась, чтобы снова положить ладонь ему на грудь. Холодный ночной воздух, грозно покалывавший ее сквозь тонкую ночную сорочку, напомнил ей о развязанных лентах, свободно свисавших с воротника.

Слезы на его глазах высохли почти мгновенно. Пот превратился в соль. А его взгляд...

Лорелея сглотнула, подумав о том, что до этого всегда считала черный цвет холодным.

Жгучее обсидиановое пламя заплясало в скудном свете ее фонаря.

– Идите.

Слово, казалось, сдавило ему дыхание, когда он оторвал ее ладони от своих запястий и грубо оттолкнул.

– Простите? – обхватила она руками себя.

– Ночью ко мне больше не приходите. Никогда.

Лорелея ничего не понимала. Она ему не помогла? Не спасла его от нападавших, терзавших его во сне?

– А если у вас опять будет кошмар? – заспорила она. – Я просто не могу позволить...

– Оставьте их мне. Позвольте им меня забрать.

За мрачностью в его глазах таилась дикая, первобытная угроза.

– Но я...

– Вы не совладаете с ними! – ошетинился он. – А я не совладаю с собой...

Он схватился за волосы. Почему-то она не могла посмотреть вниз, на то, что еще скрывали простыни. Она его боялась, потому что он боялся себя. Но... она же ему сочувствовала.

– Просто уходите. *Пожалуйста.*

Жалобная нотка в его просьбе не допускала возражений. Он ее прогонял – так шипит загнанный в угол кот.

Сбитая с толку, подавленная, Лорелея побрела к двери настолько медленно, насколько могла, ожидая, что он ее позовет. Передумает и поймет наконец, что ему нужно ее общество.

Однако он не позвал, и она взяла фонарь и закрыла за собой дверь, желая изо всех сил забыть оставшийся у нее на губах чарующий вкус.

Неделю спустя Лорелея заглянула за дверь и увидела, что его темные ресницы трепещут над бледной щекой, дрожа от сна. Она понадеялась, что на сей раз сон был добрый.

Она тоже дрожала, но не от разбуженных той ночью эмоций, о которых ни он, ни она никогда не говорили, а от пришедшей ей в голову две ночи тому назад гениальной идеи.

За последние несколько дней, пока несильные дожди держали их дома, они осторожно сдружились, и Лорелея поняла, что наряду с болью его терзала скука. Ночью она проверяла его сон и, часто заставляя бодрствующим, отвлекала от мрачных мыслей карточной игрой. В экарте или, порой, в вист. Она научила его криббиджу и шахматам, в которые он ее ни разу не обыграл. Хотя... порой Лорелея думала, что он ей поддавался. Взгляд его мрачных темных глаз блистал таким острым умом, и казалось странным, что он никогда не одержал над ней победы, даже когда она совершала чудовищные ошибки.

Ей казалось, он просто терпел ее общество. Не исключено, что оно даже доставляло ему удовольствие. Тем не менее в его взгляде часто сквозила отчужденность, или слова делались отрывистыми, а жесты резкими, словно острые лезвия.

Насколько мучительно зависит от благорасположения чужака? В особенности если тот – чужак даже себе самому.

Помня об этом, Лорелея придумала для него новое дневное развлечение. Лучшее из всего, на что оказалась способна ее фантазия.

Она жестом пригласила в комнату сговорчивых слуг и молча указала им расставить по местам принесенное – этот танец на цыпочках без обуви они исполнили в совершенстве. Даже содержимое очень аккуратно расставленных коробок почти не произвело шума.

Легкомысленно улыбаясь в предвкушении своего торжества, она жестом поблагодарила помощников. Те с готовностью ответили ей тем же. Одним щелчком она закрыла за ними дверь... а повернувшись, встретила устремленный на нее немигающий взгляд угольно-черных глаз.

Лорелея изо всех сил старалась не выдать разочарования.

Не мог он поспать еще хоть пару минут? Тогда все было бы просто безупречно.

У нее тревожно скрутило внизу живота, как всегда, когда он так на нее смотрел; тяжелая ноша в руках опасно накренилась, а улыбка погасла.

Даже выставив себя глупышкой и фантазеркой, она почему-то неизменно читала в его взгляде признательность. Как будто спасала его от чего-то ужасного, даже если это был всего лишь короткий дневной сон.

«Глупо было надеяться его удивить», – подумала она с разочарованным вздохом. После ночи – той ночи – стало ясно, что даже чье-то едва колыхнувшее воздух дыхание немедленно пробуждало его. Его сон был чуток, как у зверя, спящего припав ухом к земле. Зверя, который ищет еду или боится быть съеденным.

Эта его черта ее глубоко трогала, заставляя думать, что подобные реакции развиваются у человека, живущего в условиях первобытной жестокости. Того, кто вынужден все время сражаться за существование.

Опершись ладонями на матрас, он с легкостью сел, ни на миг не отводя от нее взгляда... Силы возвращались к нему с пугающей быстротой. Сегодня доктор Холкомб снимет у него с ребер бинты.

Лорелея старалась не замечать, что его ночная рубашка расстегнута. Не смотреть на мышцы живота. Она старалась держаться с ним неизменно благопристойно...

Однако удавалось ей это лишь отчасти.

Синяки на теле почти прошли, равно как и ребра. И тем не менее свободно дышать он не мог. По крайней мере, в ее присутствии.

Ей пришло в голову, что с ее стороны невежливо так долго стоять и глазеть.

Он не пытался у нее ничего спросить. Не пошевелился, чтобы прикрыться или сгладить неловкость. Что-то в обращенном на нее взгляде или, возможно, в его посадке – с прямой спиной и расправленными плечами – выдавало некую осознанность, которой она не замечала прежде.

Он опустил черные глаза и бросил взгляд на свой обнаженный торс, будто изучая себя. Мускулистые горы груди. Глубокая ложбина между ними. Аккуратные симметричные пучки мышц живота. Она успела насчитать четыре гребня, прежде чем те исчезли под одеялом.

Чувствуя, как сухой язык прилип к небу, Лорелея посмотрела ему в глаза. На этот раз, встретившись с углями его зрачков, она заметила в них огонь не менее опасный, чем приглашение. Что-то неподдельное, сродни восхищению.

Он *хотел*, чтобы она на него смотрела? Хотел, чтобы ей понравилось то, что она видит? И ей понравилось. Ей... *понравилось*.

Кашлянув, чтобы прочистить горло, она заковыляла к нему, болезненно осознавая свою хромоту.

– Я решила, что сегодня у вас день рождения.

Она постаралась придать голосу всю теплоту, на какую только была способна, дабы искупить всю мрачность обстановки.

Две эбеновых брови насмешливо взметнулись над глубоко посаженными глазами.

– Почему? Почему сегодня?

Такой его голос ей нравился. Резкий после сна и долгого молчания, но смягчаемый предупредительностью. И его отклик ее приободрил. Не потому, что придал уверенности, а просто потому, что воспоследовал. Обычно он оставался *вопиюще* невозмутимым.

Ощутив новый прилив энтузиазма, Лорелея, осторожно держа обеими руками, подняла свое приношение.

– Просто потому, что сегодня повар испек особенно удачный торт.

Усевшись на край кровати, она провела вилок по слоям роскошного десерта. Первым шел масляный крем-глазурь цвета пестрых яиц малиновки. Потом более мягкий слой, желтая, крахмальной густоты смесь сахара и масла. Центр обогащал палитру слоев охлажденного малинового варенья, после чего слои повторялись в обратном порядке. Желтая прослойка. Снова глазурь.

Аккуратно держа вилку над тарелкой, чтобы не уронить ни крошки, Лорелея поднесла кусочек торта к его раскрытым губам. О, она не могла дожидаться, когда он его попробует. Его удовольствие ей трудно было себе вообразить...

Спокойно, но решительно тарелка и вилка были вырваны у нее из рук.

– Я сам могу есть.

– О, – у нее защекотало в носу. – Верно. Конечно, можете.

Как обычно, она смущенно улыбнулась, но опустила ресницы, чтобы не выдать чувств.

Разглядывая край одеяла и темную кожу у него на груди, она невольно подумала, почему так расстроилась. Ведь не хотелось же ей, чтобы он так и оставался немощным. Ей просто хотелось, чтобы он... остался рядом. Здесь. С ней. Чем скорее он поправится, тем скорее уйдет.

Доктор Холкомб сказал, что в гипсе ему осталось ходить недолго, до тех пор пока не окрепнет лодыжка. Гипс снимут через несколько дней.

А что, если... что, если она больше ему не понадобится? Что, если он уйдет из Саутборн-Гроув в поисках своего забытого прошлого?

Она едва сдержала слезы.

– Очень вкусно.

Он смотрел на нее. Подняв взор, Лорелея увидела, как он медленно жует торт. Вернее, он не жевал, а лакомился, наслаждаясь вкусом.

Она глотала одновременно с ним, ее рот наполнялся слюной, как будто это она только что откусила кусок.

– Ничего вкуснее не припомню.

Следующий кусок он уже не смаковал, как тот первый, отрезанный ею. Зато размером он был почти в половину торта. Он ел, а в уголках его глаз прыгали смешинки. Не улыбка, а подобие веселья.

С опозданием Лорелея поняла: он только что попытался пошутить над своей дырявой памятью.

Она хихикнула. Потом еще раз.

Прежде чем снова приступить к торту, он спросил:

– Если вы решили, что сегодня у меня день рождения, может, вы заодно скажете, сколько лет мне исполнилось?

Воодушевленная, она поспешила ему ответить:

– Мортимер считает, что вы не старше его, а ему двадцать.

При упоминании ее брата искорки в его глазах обратились в пламя.

– Как считаете *вы*?

Лорелея моргнула. Прежде никто ее так не спрашивал. В груди разлилось приятное тепло. Он спрашивал ее потому, что хотел знать ее мнение, в обращенном на нее взгляде она не могла не заметить заинтересованности.

В свободное время она уже не раз размышляла, сколько ему лет. Изучив его взглядом, она постаралась рассудить как можно лучше.

Кто бы ни сотворил этого юношу, он явно пренебрег мелочами, однако уделил излишнее внимание его агрессивной мужественности – его черты резки, остры и жестки. Однако... стоило присмотреться внимательнее, и становилось ясно, что ваявшему его скульптору при всем желании не удалось скрыть налета чувственности. Узкая, будто разрез, верхняя губа, например, резко контрастировала с нижней. Крючковатый патрицианский нос, достойный завоевателя мира Цезаря. Скулы скорее варварские. Подбородок – чистое олицетворение воинственности. Не такой квадратный, как у Мортимера, но и не маленький. Подбородок, скорее подходящий не герою, а злодею. Посредине его украшала ямочка. От челюсти до левого уха на заживающих ожогах чешуйками розовела молодая кожа. Шея уходила под рельефно вылепленные ключицы и плавно перетекала в плечи.

Ей пришло в голову, что, сколь бы ни была мощна его челюсть, за все недели пребывания в Саутборн-Гроув он практически не брился. И, как она уже могла убедиться, прикасаясь кончиками пальцев... губами... грудь его тоже была гладкой. Безволосой.

Ведь у *мужчины* должны быть волосы?

То есть, может, он еще не мужчина... но наверняка уже не мальчик.

Голову ему обрили месяц назад. Теперь густые, цвета черного дерева волосы, не тронутые ни расческой, ни помадой, торчали в разные стороны.

Однако это ему, тем не менее, было к лицу.

Ему шло *все*.

Вспыхнув, Лорелея вспомнила, как увидела черные волосы, закрывающие его... его... Ну, неважно, как это называют. Мортимер, тем не менее, намекал, что тот недостаточно велик для взрослого мужчины.

Лорелея потупила взор. Она о подобных вещах, разумеется, не знала, а просто спросить не могла...

– Лорелея?

Ее имя прозвучало скорее призывом, а не вопросом.

Боже, она сказала чего-нибудь вслух?

Он перестал жевать. Прищурившись, он замер.

Прочищая горло, Лорелея не по-девичьи резко кашлянула.

– Я... я знаю, что вы наверняка старше меня, голос у вас *мужской*, а у большинства мальчиков моего возраста голоса примерно как у меня.

– Сколько вам лет? – быстро спросил он.

– Четырнадцать.

Он издал какой-то звук – одобрение тот выражал или осуждение, Лорелея разобрать не смогла.

– Допустим, вам семнадцать. Моложе двадцати, но уже почти взрослый.

У него было очень молодое, очень энергичное тело, но душа, отражавшаяся в этих глазах, видала в жизни, казалось бы, все, что только возможно. Или даже чуть больше?

– Тогда между нами было бы три года разницы, – произнес он так, словно это имело значение.

– Это хорошая разница в возрасте? Или плохая? – не удержавшись, спросила она.

– Не могу сказать. – Он рассеянно откусил еще кусочек и спросил: – Какое сегодня число? Мне хотелось бы узнать, когда отмечать следующий день рождения.

Она усмехнулась:

– Второе августа, вам на будущее.

Снова этот звук. Точно безразличный вой волкодава. Может, он означал раздумье?

– Вам... понравилась эта дата? – тревожно осведомилась Лорелея. – Мы всегда можем ее изменить.

Черный антрацит в его глазах растаял до мягкой смолы.

– На сегодня это мой любимый день.

Эти нелегкие слова и обрадовали ее и сбили с толку. Лорелея предприняла усилие, чтобы вспомнить, для чего все это затеяла.

– Я принесла вам подарки. Ну, *своеобразные* подарки. Держать их вы не сможете, но и не встретиться с моими друзьями...

Она сдернула покрывало, скрывающее клетки, точно фокусник, открывающий главную тайну.

– Я придумала принести их вам.

Ее «друзей» он рассматривал с подобающим случаю выражением любопытства и удовольствия. Достаточно для того, чтобы доставить ей радость, похвалив за отличную идею.

Из клеток выглядывали три сонные лисицы, две черепахи, кролик, хорек и змея.

– Вы... всех их спасли? – пробормотал он.

– Да, спасла, – морщась от избытка гордости в голосе, подтвердила Лорелея. Точно не зная почему, она очень хотела, чтобы он остался доволен ею. Или впечатлен. Но только не равнодушен. – О! А самого лучшего я принесла только вам.

Она поспешила к стоявшему у изножья кровати деревянному ящику, как крышка защищавшему гнездо, и подняла его.

– Счастливого дня...

Он отпрянул от них обоих так стремительно, что она в молчании замерла, а на ее уши обрушился поток проклятий.

Потрясенная, совершенно сбита с толку, Лорелея изумленно посмотрела вниз и встретила безучастный взгляд молодого грача с перебитым крылом.

– Вам... вам не нравится?

Она понимала, что вопрос, вырвавшийся у нее вместе с судорожным всхлипом, был явно абсурден, однако изумление, видимо, лишило ее способности соображать.

– Нравится это? – не сразу откликнулся он. – Какого черта я...

Отвращение свело с его щек и без того еще слабый румянец, однако, увидев ее мокрые глаза, он крепко стиснул челюсти, пресекая поток уже готовых сорваться с языка ругательств.

По ее щеке покатилась горячая слеза. Она жалела, что не могла в ней утонуть – настолько сильно было овладевшее ею горькое чувство обиды.

Его панический страх, казалось, только усилился, когда он протянул к ней руку.

– Не... не плачьте.

– Я не плачу. – Лорелея всхлипнула и в нерешительности и презрении к себе застыла на месте, почувствовав, что начала икать.

– Пожалуйста, – застонал он. – Я... не вынесу, если вы...

На его лице появилось выражение твердой решимости, и, пододвигаясь к ней, он всего лишь пару раз искоса глянул на гнездо.

– Я... устроила вам день рождения, а... потом... испортила его! – всхлипнула она.

– Лорелея.

Большие ладони схватили ее за запястья и потянули к кровати, пока она не оказалась прижата к его груди. Она прильнула к теплому жесткому телу – ее убежищу от урагана скорбей.

Лорелея забылась – настолько ее сокрушила его сила. Никто и никогда ее так не держал. Не брал на себя бремена ее горестей. Успей она вдоволь наплакаться, ей удалось бы надивиться этому чуду.

Огрубевшая кожа его пальцев царапала ее щеки, и слезы высыхали, не успевая пролиться.

– Лорелея, пожалуйста, не плачьте. Простите.

Услышав отчаяние в его голосе, Лорелея совлала с очередным приступом рыдания. Он притянул ее ближе, и его дыхание сладким ароматом овевало ей лицо. Во время объяснений его голос часто срывался на не свойственный ему мальчишеский фальцет.

– Когда я проснулся... в той могиле... Вороны... клевали мертвые тела. Рвали их. Выдирали куски. Понимаете? Один подлетел ко мне...

Боже правый! Лорелея спрятала лицо у него на груди, и на нее накатила новая волна слез. Она подарила ему кошмар. Как она могла быть настолько глупой?

– Лорелея! – Он отстранился от нее и поднял ее лицо за подбородок, чтобы она посмотрела ему в глаза. – Сладчайшая Лорелея! – все время повторял он, словно ее имя не сходило у него с языка. И глаза у него тоже растаяли. Повлажнели. Жесткие черты лица смягчились. – Я вас понимаю. Вы ведь не просто так? Подарили мне его...

Он кивком указал на клетку с птицей.

– Это так глупо.

– Скажите мне, – успокаивал ее он, пытаясь стереть слезы со щек.

Смущенно хлюпая носом, Лорелея посмотрела на клетку.

– Я подумала, что цветом перья грача точно как ваши глаза. С первого взгляда черные, но, если присмотреться внимательнее, в них огромное множество оттенков. – Она чуть отстранилась. Не для того, чтобы высвободиться из его объятий, а чтобы показать, что она имеет в виду. – Они ведь будто переливаются всеми цветами радуги? Это просто невероятно. Всякий раз как я смотрю на него, я вспоминаю вас. И я подумала, что они милые.

Он посмотрел на грача, изящно изогнувшего шею и длинным клювом чистившего перья с полнейшим равнодушием к вспышкам человеческих эмоций.

Молчание несколько затянулось, рука разжала объятие и потянулась к клетке.

– Думаю... *этот* не так ужасен.

Он кончиками пальцев погладил перья, явно ощущая дрожь почувствовавшей прикосновение птицы.

Казалось, и юноша и грач не шевелились целую вечность.

Наблюдая за ним со всем вниманием, Лорелея почувствовала, как он постепенно ослабляется, на смену холоду снова пришло тепло. Никогда еще ей не было так уютно. Никогда еще она не чувствовала себя в такой безопасности.

– Боже мой, что это?

Птица положила клюв на его запястье, водя головой и рассматривая их обоих.

– По-моему, вы ему нравитесь, – осмелилась предположить Лорелея. Расскажи она ему о птицах, он бы лучше их понял. Возможно, даже простил бы их за то, что они приняли его за труп.

– На самом деле вороны очень умные птицы. Однажды мне сказали, что у них довольно сложный язык, а не просто карканье. Они любят загадки и игры.

Она провела рукой по здоровому крылу птицы, наслаждаясь переливающимися в свете свечей чернильным блеском.

– Они любят.

– Откуда вы знаете?

Его шепот ласкал ее ухо, и у нее по телу побежали мурашки.

– У них один партнер на всю жизнь. И если кого-то из пары унесет ветер, они всегда воссоединяются. Я всегда считала их очень красивыми, романтическими птицами... Но, конечно, не в те моменты, когда они едят мертвых людей.

Лорелея почувствовала, как улыбаются его губы, прижимающиеся к ее волосам.

– Поэтому я так мечтаю вылечить Аттилу, – пролепетала она. – Вдруг его кто-то ждет? Вдруг он отчаянно хочет к кому-то вернуться? А она боится, что он к ней не прилетит?

Одна только эта мысль угнетала ее.

Помолчав, он задумчиво спросил:

– Вы назвали его Аттилой?

– О да, – приободрилась Лорелея. – А змея – Ганнибал. Черепахи – Чингисхан и Хубилай. Лисицы – Влад Дракула, Иван Грозный и Екатерина Великая – вначале она была Александром Великим, но потом по очевидным причинам мне пришлось искать ей новую кличку, естественно, сочетающуюся со словом «Великий».

– Естественно.

Лорелея опустила голову ему на плечо, усыпленная ритмом его дыхания. Ей и в голову не пришло опасаться возможных последствий того, что она прижимается к полуголому мужчине. Пока она его выхаживала, между ними успели установиться и окрепнуть близкие и дружеские чувства, о которых она не задумывалась.

Ей хотелось прижаться к нему теснее. Юный ум не отдавал себе отчета в том, что за страстное желание его охватывает. Ей хотелось почувствовать его кожу. Упитья ее видом, ее запахом и ее теплом.

Именно тепла ей, Лорелее, всегда особенно не хватало.

И еще никто не заботился о ее питомцах. От Мортимера она охраняла их так же внимательно, как друг от друга и от стихии. Отцовское безразличие к ее питомцам, мягко говоря, вошло в предание. Да и прислуга, по ее подозрению, скорее считала их источником неприятностей, а не радости, и не ворчала только по доброте душевной.

– Как вы назвали ласку? – поинтересовался он.

– Это хорек, и зовут его Брут. О, а этот маленький кролик – Наполеон Бонапарт. Жозефину, Люсьена и Полину... мы... мы съели. Теперь он совсем один, – печально вспомнила она старое горе.

Он нежно привлек Лорелею к себе, но она не могла не заметить, как его пальцы сжались в кулаки.

– Вы дали им такие свирепые клички.

Она засияла, поскольку услышала одобрение в его словах.

– Почему самые жестокие имена достались черепахам?

Их обоих занимала мысль, почему он мог вспомнить исторических деятелей, но не свое прошлое?

– Прославленными именами я их назвала, чтобы они им соответствовали. Чтобы они выживали, сражались и побеждали, надо придать им сил. Мне кажется, это поможет им стать лучше. Вы знаете, насколько важно имя. Оно обладает силой. Черепаха, названная в честь великого Чингисхана, просто не сможет умереть без боя.

– Давайте назовем и меня, – предложил он. – Уильям – в честь Вильгельма Завоевателя? Джулиас – в честь Юлия Цезаря. Или Энтони – в честь Антония? Только не хочу быть Октавианом или Августом. Может, Дэвидом? Который одолел Голиафа. Дэвид звучанием напоминает что-то...

– О, имя я вам дала давно, – весело прервала его Лорелея. Она не хотела ему об этом рассказывать, но забыла, увлекшись рассматриванием вен на его руке.

Он замер.

– Как... вы меня называли?

– Эш.

Он фыркнул.

– Потому что я скорее пепел, чем плоть?

– Потому, скорее, что я нашла вас под старым раскидистым ясенем².

– Эш, – повторил он. – Имя не короля и не воина.

– Оно лучше всего этого, – поспешила объяснить Лорелея, огорченная его разочарованием. – Наша экономка, Мейв, говорит, что ее семья ведет свое происхождение от друидов. По ее словам, ясень – это Древо Жизни, соединяющее землю и небо. Оно исцеляет больных, защищает невиновных и наделяет бессмертием достойных. Так что... о наследии я бы сказала, что оно огромно.

– Что вы сделали! – Он посмотрел на собеседницу с такой нежностью, что у нее перехватило горло. – Тогда пусть так и будет. Пока я не вспомню свою фамилию.

– Вы можете зваться Эш Везерсток, – предложила Лорелея – ей была бы приятна мысль, что Эш всегда принадлежал только к ее семье. – Отец не против. Он говорит, что в обществе любят, когда благородное семейство привлекает бедного родственника. Может, вы мой троюродный брат?

Нежность испарилась, губы сжались в ниточку.

– Мне не по душе считаться бедным родственником. Кем-то, кто недостаточно хорош для... – Он замолчал и отвел взгляд. – Нет, если я когда-нибудь...

Конечно, ей хотелось, чтобы он договорил до конца. Лорелея очень сильно хотела услышать продолжение.

– Я не хотела вас обидеть, – тихо поправилась она. Черт, какое счастье, что ее не понимают животные. Иначе она давно распугала бы их всех постоянным занудством. – Я предложила, чтобы вы вошли в нашу семью. «Бедного родственника» придумал отец.

– Не хочу, чтобы надо мной кто-нибудь издевался. Считал меня ничтожеством...

² Ash – 1) пепел, прах, останки; 2) ясень (англ.). – Примеч. ред.

– Никто не посмеет. – В этом Лорелея не сомневалась. С такой силой и ростом, такой мускулатурой, Эш меньше всего годился в мишени для насмешек дерзких выскочек. – Кроме того, это на самом деле не так уж плохо.

В ответ на его взгляд она поспешила объяснить:

– Дело в том, что насмешки или смешки... через некоторое время уже не трогают. Воспринимаются просто как шум.

– Вы имеете в виду Мортимера? – Его имя он произнес так, будто оно отдавало дегтем.

– Да, Мортимера. И почти всех остальных.

– Из-за... вашей лодыжки?

Лорелея робко кивнула.

Его ладонь нежно опустилась на ее колено, собирая юбку, пока небесно-голубой подол не обнажил ноги в белых чулках.

Лорелея не могла долго носить туфли и дома их почти никогда не надевала.

Они оба посмотрели на ее стройную лодыжку, навечно гротескно повернутую внутрь.

– Это у вас с рождения?

– Это случилось, когда мне было шесть.

Деликатная заинтересованность в его голосе заставила ее ответить на вопрос, которого она всегда избегала.

– Что случилось?

– Как и вы, я сломала лодыжку.

– Как я? – озадаченно спросил он. – Но... доктор Холкомб сказал, что к концу года лодыжка у меня снова будет в полном порядке. Я уже почти могу ходить. А что не так у вас?

Мучимая привычным стыдом и преисполненная гневом, она просто пожала плечами.

– Лорелея? – Мрачное подозрение превратило звук ее имени в обвинение. – Как вы сломали лодыжку?

– Я не могу сказать.

Она попыталась от него отстраниться, но мышцы его руки напряглись, не отпуская ее.

– Мортимер.

В одном его резком слове скрывалось все, о чем она не хотела говорить. Вся тьма в безлунной ночи. Весь гнев самого дьявола.

– Своим ботинком я сломала его деревянный меч... – Она пожалела, что у нее не такой слабый голос. Что она может признаться в том, что скрывала почти полжизни. – А он своим – мне лодыжку.

Эш затих. Неестественно. Только грудь поднималась сильнее.

– Болит? – натянуто спросил он после долгой паузы.

– Иногда, – призналась Лорелея.

– А что доктор?

– Доктору меня не показывали. Отец не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, – внезапно напугавшись, она отстранилась. – Вы ничего не скажете? Не выдадите меня? – взмолилась Лорелея.

Она ожидала увидеть его в ярости. Мрачным.

Однако холодное выражение его лица напоминало безмятежную зеркальную гладь озера в безветренный день. Почти любезное. Он вел себя непоколебимо, решительно, но пугающе спокойно.

– Я не пророню ни слова.

Он нежно погладил ее кудри, и тень улыбки заиграла на его жестких губах.

Пораженная странной нотой в его голосе, Лорелея выпрямилась.

– Что вы хотите этим сказать?

Опустив взгляд, Эш посмотрел на клетку грача новым взглядом.

– Расскажите мне еще о наших друзьях, – произнес он, осмелившись протянуть руку и погладить перья на горле прирученной птицы.

– Но, Эш...

– Сегодня у меня день рождения, – напомнил он ей. – Давайте не будем думать о прошлом... или о будущем. Я хочу услышать все о граче Аттиле и вашей коллекции завоевателей.

Зная страсть Лорелеи к животным, Эш нашел легкий способ ее отвлечь, поэтому она принялась оживленно рассказывать о том дне, когда нашла Аттилу с крылом, зажатым под скалой.

Она не замечала, что Эш слушает ее вполуха. Что он не спускает глаз, горящих обсидиановых глаз, с ее все еще неприкрытой юбкой лодыжки.

В течение долгих часов, пока они играли с быстроногими озорными лисятами, кормили виноградинами неторопливо ползавших по постели благодарных черепах, ему удавалось скрывать смертоносные мысли.

А ей было невдомек, что, в памяти или без памяти, Эш считал это лучшим днем рождения в жизни. И о лечении подранков она заботилась потому, что никто и никогда не позаботился о лечении ее самой.

Но несмотря на физический недостаток, ей все же удалось превратить жизнь в волшебство.

И Эш знал, что эта жизнь станет значительно лучше, если одним братом в ней будет меньше.

Глава четвертая

Несколько недель спустя представилась прекрасная возможность избавить мир от Мортимера Везерстока.

– Вы уверены, что сегодня я не смогу проводить вас до Хейбриджа? – спросила Лорелея, и ее лазурные глаза осветились надеждой.

Эш посмотрел на свою ногу, пробурчав, что решил поразмышлять на обратном пути и отправиться в Саутборн-Гроув через зеленые болота. По правде говоря, у него просто не хватало сил видеть, как надежду на лице Лорелеи сменяет разочарование.

Он провел рукой по густой сочной траве, вырвал былинку и лениво отмахнулся ею от облака мошкеры.

– Поездка будет тоскливее застойной воды, – соврал он. – Сэр Роберт договорился о моем обучении, и я заберу у портного костюм точно ко времени встречи с сухими стариками, которая продлится весь день. Вам будет невыразимо скучно.

Эш презрительно отвергал ее, он не мог посвятить ее в свои низкие намерения.

– С вами мне никогда не бывает скучно, – заявила Лорелея, просовывая пальчики между его пальцами, а другой ладонью обхватывая его бицепс. Они часто так делали – он мог ходить, опираясь на нее. – И еще мне бы очень хотелось увидеть вас в костюме.

Его пальцы влились в ее руку, идеально легли между ее костяшками. Эш постарался за нее не цепляться, эмоции переполняли его, и он это осознавал.

Только он отчаянно надеялся, что однажды он вернется.

Мысль носить костюм уже не вызывала у него прежнего отвращения, если Лорелея будет радоваться, глядя на него. С тех пор как он поднялся с больничной койки, его гардероб состоял из старых белых рубашек Мортимера с длинным рукавом, нескольких пар готовых брюк и пропыленных старых жилетов. Он не противился. Одежда служила лишь средством прикрыть его шрамы.

Эш с трудом соизмерял свой длинный шаг со стесненной походкой своей спутницы, в особенности когда на обширной территории при усадьбе сошла грязь. Но даже тогда он предпочел бы скорее ползти на четвереньках, чем доставить ей неудобство из-за ее физического недостатка. Он и подумать не мог, как часто она в одиночестве ходила этой дорогой через предательские болота.

Теперь Эш на несколько месяцев стал ее выючной лошадью, таскавшей клетки и животных к устью реки и обратно. Поначалу лодыжка сильно мешала, однако ходьба по сырой, нетвердой земле, казалось, быстро ее укрепила. Кроме того, Лорелея знала все тропинки через эти болотистые и водные уголья, показывая ему, куда идти, чтобы не угодить в топь или скрытый под зарослями камыша пруд.

Этот край был ее убежищем, принадлежавшим ей так же, как и здешним диким животным и птицам.

На рассвете они отправились выпустить в камыши змею Ганнибала, чья рана зарубцевалась достаточно, чтобы он мог ползти.

Лорелея чуть не заплакала, когда они какое-то время молча стояли, глядя, как окруженные прудами зеленые болота уступают место морю. Вода простиралась вдаль, пока изгиб земли не упирался в нависшие над горизонтом облака. Облака, казалось, напознали друг на друга в стремлении поскорее добраться до берега.

Им следовало поспешить назад в Саутборн-Гроув, чтобы Эш успел к разгрузке судна.

– Нечестно, что Мортимер может вас сопровождать, а я не могу, – пожаловалась Лорелея.

– Мортимер будет представлять отца перед владельцами литейного завода. – Эш небрежно пожал плечами, словно считал это достаточным оправданием.

– Вы не считаете, что отец несколько старомоден? Нежелание общаться с рабочими в лучшем случае выглядит устаревшим. В конце концов, он всего лишь граф и получил титул благодаря трудолюбию предков, разбогатевших настолько, что корона не смогла их не отметить.

Они шли, и Лорелея положила голову ему на плечо.

– Чем старше отец становится, тем больше кажется, что он просто ищет отговорки, чтобы не выходить из дома. В особенности с тех пор, как Мортимер его ударил.

– Давайте сейчас не будем говорить о вашем брате.

Эш сжал ее ладонь. Скоро он об этом позаботится.

– Со стороны вашего отца было большой любезностью подыскать мне место. Наверняка он рассчитывает, что через несколько лет я смог бы помогать мистеру Тэтчеру с литейным заводом, или мистеру Роббинзу с соляными шахтами... И у меня есть шанс сколотить свое состояние, – без труда сменил Эш тему, отметив, как она проглотила приманку.

– Отец знает, какой вы умный. И если вы хотите стать Везерстоком, для него важно, чтобы вас уважали в общине.

Важно это было и для Эша. Избавь он их от страшной хватки Мортимера и посвети следующие несколько лет упорной работе на литейном производстве, ему, возможно, удастся скопить достаточно, чтобы просить у барона Везерстока руки Лорелеи...

Лорелея повернула его руку ладонью вверх, лениво рассматривая странные линии, расходящиеся от одного из вытатуированных на его предплечье крыльев дракона. Часто, когда они ходили болотами, Эш, зная ее неизменную любовь к рассматриванию его татуировки, закатывал рукав до локтя.

Ее прикосновение было точно бальзам, и он не мог понять почему. Он лишь знал, что ее пальцы волшебны – они успокаивали в нем все чудовищное.

– Как вы загадочны, – пробормотала Лорелея, не прекращая исследования его тела там, где дракона пересекала паутина шрамов и раны зарубцевавшейся плоти. Подушечками пальцев она мягко проводила по ним ритмичными, успокаивающими движениями.

В местах ожогов от извести касание кончиков ее пальцев воспринималось иначе. Очень похоже на поглаживание призрака или воспоминание. Менее осязаемое физически, но такое же мощное.

Возможно, даже более.

– Я знаю, что мы редко об этом говорим, но вы задумывались, что значил для вас этот дракон?

– Иногда, – загадочно ответил Эш. Все, о чем он мог подумать, рождало неприятные ассоциации. Армейская служба? Нет, скорее шайка воров или иных преступников. Больше всего сбивали с толку неполные буквы. Над драконом буквы *R-A-E*, а под драконом – *U-A-E*. Целые слова оказались съедены щелочью.

Попытка разобраться в этом сводила его с ума, а потому татуировку, как и все остальное, Эш оставил прошлому.

– Вас не занимает, кем вы работали раньше... Я имею в виду до того, как я вас нашла?

– Часто, – ответил Эш, хотя, если честно признать, больше времени он потратил на размышления о том, какой враг мог избить его до полусмерти, а не о том, чем он зарабатывал на жизнь.

– Вы могли работать под землей, – предположила Лорелея. – Вы слишком бледны, чтобы видеть много солнца, но ваше... телосложение предполагает занятия тяжелым физическим трудом.

– Это вас смущает?

– Нисколько. Вы – совершенство. – Она поднесла к персиковым щекам ладонь, пряча застенчивую улыбку. – Я имею в виду... я думаю, ваша сила помогла вам пройти через страшные испытания. И я очень благодарна ей за это.

Ее комплимент согрел его.

– Я тоже. Какое-то время я боялся, что никогда не встану с этой кровати.

– Как я всегда говорю, между «сейчас» и «никогда» многое может случиться.

– Разумеется.

На это он и рассчитывал.

Когда они возвращались на широкие лужайки в Саутборн-Гроув, из залива напал морской туман, скрывавший величественные белые колонны усадьбы.

Вдруг Лорелея резко остановилась, закружив Эша на месте, пока он с ней не столкнулся. Тревожная складка легла на ее обласканный солнцем лоб, и Эш, вместо того чтобы ее разгладить, как ему очень хотелось, завел ей за ухо несколько завитков. Непослушные прядки выбились назад и легли ей на виски.

– Эш, а если вам не понравится на литейном заводе или в шахтах? Как вы думаете, вы сможете уйти?

– Уйти? – озадаченно спросил он. – Куда мне уходить?

– Если вы можете ходить, значит, можете и убежать. И если вам удастся убежать... тогда... тогда вы сможете уйти, куда захотите. Убежать от Мортимера.

– Я ни от кого не убегаю. – «И от Мортимера Везерстока в последнюю очередь». – Мой дом здесь.

«С вами», – одними губами добавил Эш.

Но Лорелея устремилась вперед, будто не слышала пламенного окончания его фразы.

– Предположим, вы захотите встретиться с вашим прошлым? С вашей семьей?

– Не знаю. У меня такое чувство, что в прошлом у меня нет ничего ценного. Может... только вам я могу открыть причину, или нет... – Он сглотнул, не в силах одолеть съедавший его страх.

– Или нет?

Лорелея подошла к нему, провела ладонями по его спине и прижалась щекой к его груди.

Эш привык к ее внезапным любовным жестам. Настолько же невинным, насколько и недопустимым в обществе, и он страстно желал их. На самом деле, только ее прикосновения он не отвергал.

– Не хотите меня обнять... из уважения, то есть.

Он обнял ее так, словно искал убежища, примяв подбородком ее волосы.

– Я явственно ощущаю, что ни с кем из прошлого мне знаться не стоит.

– Сейчас стоит знаться с вами. Вы достойны всего.

Эш едва сдержался, чтобы не прижать ее к себе изо всех сил. Продолжать обнимать ее нежно, почтительно. Возможно, здесь, в тумане, и есть рай. Легкий ветерок вокруг них играл клубами облаков. Возможно, в этот колдовской миг перестало существовать время. Как и любая из тысячи причин, по которым он *не должен* ее любить. Но полюбил.

Он любил ее так сильно, что готов был ради нее убить.

– Я буду скучать без вас. – Лорелея посмотрела на его лицо, голубые глаза горели любовью. Ее милые губки скривились в мрачной задумчивости.

Каждая его жилка, казалось, таяла от ее близости, их объятия возбуждали желания – от самых невинных до... каких-то еще.

– Лорелея, вы когда-нибудь целовались?

Задумчивое выражение сползло с ее лица, сменившись озадаченным.

– Нет. А вы?

– ...не знаю.

Ему и не хотелось знать.

Она поморщилась.

– Разумеется. Разумеется, не знаете. Что за глупый вопрос. Я постоянноставляю себя на посмешище...

Эш прервал эту тираду, прильнув к ее губам в поцелуе.

Его рот медлил, а не требовал. Касался и пробовал. Смаковал. Эш не осмеливался коснуться ее языком, зубами или как-то еще, хотя страстно желал этого.

Он обнимал любимую девушку. И это осознание заставляло его быть бережным.

Потому что именно такова Лорелея. *Девушка*.

Он больше не мальчик. Чувствами, желаниями. Голодом. Жаром. Он мужчина, мужчина, который удовлетворяет свои потребности с *женщиной*. Не с девушкой.

Лорелея вцепилась в него, ее бесхитростный выдох вдохнул в него жизнь. Ее ответ был одновременно робким и пьянящим. Обещанием чего-то большего. Этот поцелуй был обещанием того, что расцветет между ними. Увертюра к симфонии страстного желания, которую он со временем сочинит.

«Я люблю вас». Признание было готово сорваться с губ, не отрывавшихся от ее рта. Однако произнести это Эш мог, только совершив свое злодеяние. И только после того, как Лорелея перестанет скорбеть по брату, каким бы тот ни был.

И если после смерти за этот поступок его ждет ад... Эш не против, если ему суждено прожить целую жизнь на небесах ее любви.

Земля задрожала от стука приближающихся копыт, разлучая их.

Лорелея прижала дрожащие пальцы к своим приоткрытым губам. Ее взгляд выдавал откровение, словно шепча что-то не столь ангельское, как обычно. Что-то более плотское.

«Я люблю вас». Слова эти пока так и не сорвались с его губ.

Внезапно выражение лица Лорелеи изменилось – оно выражало необъяснимое беспокойство или даже страх.

– Не уезжайте, – прошептала она.

– Я должен, – задышавшись и изо всех сил пытаюсь восстановить дыхание, проговорил Эш.

– Но вы вернетесь?

– Я же сказал вам, что вернусь. – Он страстно схватил ее за руку. – Лорелея. В этом мире есть только два неоспоримых факта: солнце садится на западе, и я за вами приду. Непременно.

– Просто у меня такое чувство...

Из тумана, едва не сбив их обоих своим конем, вылетел Мортимер. В руке у него были поводья лошади, на которой Эшу предстояло скакать в Хейбридж.

Явно довольный тем, что испортил им момент, Мортимер глумливо улыбнулся сестре.

– Сегодня ты выпустишь двух домашних зверушек, Утка.

– Завтра вы оба вернетесь, – сказала она, словно успокаивая себя.

– побыстрее, – поторопил Мортимер. – Я бы не хотел опоздать на эту встречу.

Эш поймал брошенные ему поводья. Он будто физически ощущал недовольство из-за присутствия человека, окруженного ореолом глумления и страха.

Довольно. Сегодняшний день будет последним.

Эш нехотя выпустил ладонь Лорелеи и вскочил в седло, его разум с мрачной решимостью сосредоточился на своем плане.

– Берегите себя, – призвала Лорелея. – Не рискуйте.

Когда Эш обернулся назад и посмотрел на нее, он увидел, как она кончиками пальцев послала ему воздушный поцелуй.

– Я вернусь, – заверил он ее.

«Я люблю вас».

Знай он, что видит ее, возможно, в последний раз, он бы произнес эти слова вслух.

Глава пятая

Двадцать лет спустя

Догадайся Лорелея пришить к подвенечному платью карманы, она набила бы их камнями, позволив реке Блэкуотер унести ее труп в море.

Она глядела в окно своей спальни, чувствуя растущее родство с рекой. Заходящее солнце тускнело, лишь вода оставалась горько-сладким кораллом. Она казалась такой спокойной. Такой безмятежной. И все же Лорелея знала, как бурливы вихрящиеся внизу потоки. Мрачные, коварные глубины, затянувшие много противящихся душ в Ла-Манш.

«Забери меня», – умоляла она, готовая на что угодно, лишь бы спастись от сегодняшнего дня.

Все эти люди. Все эти взгляды, устремленные на нее, застенчивую старую деву из Саут-борн-Гроув, хромающую по церковному проходу, чтобы выйти замуж за старика с лицом и нравом бородавочника.

Старик, вошедший в свет и отчаянно стремящийся упрочить положение в обществе женитьбой на девушке из старинной знатной семьи. Настолько отчаянно, чтобы взять невесту в возрасте за тридцать и с серьезным физическим изъяном.

Все в графстве быстро ответили на приглашения, и, казалось, народу на свадьбу придет больше, чем вмещает их скромная церковь. Не из любви или благорасположения к невесте, конечно, а в надежде на представление.

Они придут, поскольку страсть Мортимера портить праздник вошла в легенду. И дом, и сестру он проиграл в карты богатому механику, чьи родители разводили свиней. Что может быть хуже?

Многое. Лорелея поежилась.

Отец надеялся, что возраст усмирит буйный нрав Мортимера. Но годы его лишь ожесточили. Смерть стала для сэра Роберта милосердием.

Лорелея давно решила бы на отчаянный шаг, если бы не женщина с булавками во рту, стоящая на коленях позади нее и в самый последний момент выдергивающая наметку из ее свадебного платья.

– Дорогая, ты слишком сильно похудела, – сочувственно вздохнула ее невестка Вероника Везерсток. – Полагаю, ты слышала, как мистер Гуч говорил, что не любит костлявых женщин.

– Вот как.

Они молча обменялись сочувственными взглядами, пока предательские слезы не затуманили изящные милые черты Вероники.

Боже, Лорелея не плакала уже... лет десять.

– Знаешь, что самое худшее?

– Что, дорогая?

– Я буду миссис Сильвестр Гуч. Гуч! – вскричала Лорелея, и из ее груди вырвался истерический смех. Странно, что отчаяние может быть таким веселым. Что смех может заменить рыдание. – Словно моя жизнь может стать еще печальнее и жалче.

На щеках Вероники появились ямочки, обозначив подобие улыбки, однако в изумрудных глазах затаилась безысходная печаль.

– Думаю, если мистер Гуч добрый человек, фамилия не будет иметь большого значения.

– Верно, – согласилась Лорелея.

Тамерлан, черный одноухий кот Лорелеи, потерял о ее юбки. Невзирая на его обыкновение оставлять на любой ткани пучки длинной шерсти, она взяла его на руки погладить.

– Когда Мортимер за мной ухаживал... я думала, что графиня Саутборн самый почетный титул, о котором можно только мечтать, – вспомнила Вероника. – А сейчас...

Сейчас у Вероники Везерсток, жены ее брата, некогда слывшей первой красавицей в округе, были мрачные, настороженные глаза беженки. И как раз беженкой ей вскоре предстояло оказаться, поскольку мистер Гуч, желая почувствовать себя полноправным хозяином Саутборн-Гроув, настоял на переезде Мортимера и Вероники в город.

Лорелея сжала ладонь дорогой сестры, и они постояли, держась за руки.

– Может, мне удастся поладить с мистером Гучем, и через некоторое время он разрешит тебе и Мортимеру вернуться в Саутборн.

– Я буду по тебе скучать. – От слез изумрудные глаза Вероники казались нефритовыми. Она прижала веки перчатками, сдерживая слезы. Опасаясь, как заподозрила Лорелея, чтобы не смылась пудра, скрывавшая заживающий синяк на щеке.

Роскошные тщательно уложенные темные локоны Вероники танцевали в солнечном свете, льющемся сквозь высокие окна ее комнаты. Четыре года обширная усадьба была ее домом, а теперь ей придется ее покинуть, разоренной и опозоренной.

– Обещаю к тебе приезжать, как только смогу, – поклялась Лорелея, повторяя эти слова словно заклинание. – Ваша городская резиденция в Саутенд-он-Си недалеко отсюда, и поскольку у наших мужей общие деловые интересы, я не сомневаюсь, что мы будем часто видеться. – Лорелея сразу поняла, что ее попытка подбодрить невестку закончилась полным провалом.

– Мортимер дал понять, что я не могу выезжать, пока не зачала наследника. – Вероника положила ладонь на пустой живот.

– Мортимер может пить тухлые яйца, – плюнула Лорелея, испуганный Тамерлан решил спрыгнуть у нее с рук, от отвращения высоко задрал хвост.

Вероника *зачала* несколько месяцев назад, но потеряла ребенка, когда Мортимер, лишившись Саутборна, впал в неистовство, и один из его сокрушительных ударов пришелся по ее животу. Все еще бледная от горя, Вероника перестала улыбаться, хорошее расположение духа выдавали лишь ямочки на ее фарфорово-белой щеке.

– У тебя хотя бы остаются твои питомцы и устье реки как убежище.

– Я лишь надеюсь, что муж позволит мне их оставить.

– Постарайся подарить ему сына, – посоветовала Вероника. – Возможно, наследник сделает его снисходительней.

При одной только мысли, что ее придавит тучный жених, провонявший машинным маслом и беконом, Лорелея становилось не по себе. Он коснется ее. *Там*. Будет целовать лягушачьими губами. Ее передергивало от отвращения до мурашек.

Хотелось бы ей ненавидеть Мортимера, но сила ненависти давно улетучилась. Лорелея почему-то всегда знала, что брат уготовил ей злую судьбу. И почти с нетерпением ждала ужасной развязки.

Только бы не пострадала еще и Вероника.

Смерти Мортимера она не хотела. Просто хотела, чтобы он... исчез. Молила об избавлении от этой бесконечной душераздирающей пытки для себя и Вероники.

– Лорелея, – осторожно поинтересовалась Вероника, – ты когда-нибудь... как сказать... с кем-нибудь... говорила о первой брачной ночи? Чего ждать? Что делать?

Как бы Лорелея ни обожала Веронику, ей меньше всего хотелось выслушивать советы младшей подруги о супружеской жизни. Сегодняшний день и без того унизителен.

– Я не вылечила бы столько животных, не изучив предварительно брачных привычек млекопитающих, – пытаюсь скрыть раздражение в голосе, произнесла Лорелея. – Думаю, мужчина возраста и... габаритов мистера Гуча не слишком пылкий и выносливый любовник. Не сомневаюсь, продлится это недолго.

Вероника отвернулась, но не настолько быстро, чтобы успеть скрыть мрачную мину.

– Недолго, если повезет. Но твой опыт наверняка не ограничивается наблюдением за зверушками.

– Я только целовалась, – вздохнула Лорелея. «Один раз».

– Поцелуй понравился?

– Как мечта. Только лучше. – Двадцать лет. Двадцать лет она помнит его тепло и вкус. Может легко вызвать в воображении сдерживаемую страсть его полной нижней губы. Почувствовать, как он приближает к ее рту свои губы и прикасается к ним. С неуголимой жадой.

Он был темным существом с бездонными глазами. Призрак из какого-то иного времени. Фантазия о чем-то другом. Утрата слишком ужасающая, чтобы о ней стоило вспоминать.

Особенно сегодня.

Эш.

Эта надежда умерла тысячей мучительных смертей. И прежде чем принять унижительную правду, Лорелея выплакала море слез.

Он вспомнил, кто он. И оставленного в прошлом оказалось достаточно, чтобы он забыл данное ей обещание.

«В этом мире есть только два неоспоримых факта: солнце садится на западе, и я за вами приду. Непременно».

– Я рада, что у тебя был прекрасный поцелуй, – проговорила Вероника. – Возможно, сегодня ночью ты вспомнишь о нем, пока... ну, понимаешь. Кроме того, есть... кое-что, что ты можешь сделать... чтобы он быстрее...

– Леди Саутборн, леди Лорелея, карета в церковь подана!

Собравшись с силами, Лорелея повернулась к лакею.

– Спасибо... Эр...

Странно. Она вообще его не узнавала, хотя считала, что знает всех живущих в Саутборн-Гроув. Неужели мистер Гуч уже принялся вводить свою прислугу? У этого мужчины и правда суровая хватка! И кто же этот лакей, вошедший так тихо, что они и не заметили?

– Простите, не могу вспомнить, как вас зовут.

– Монкрифф, миледи.

Он перевел взгляд с Вероники на нее, и снова посмотрел на Веронику.

Его явно нанял не Мортимер. Ее брат не жаловал мужчин выше или красивее его. С роскошными и яркими как бренди волосами, заплетенными в косичку, внешне Монкрифф скорее напоминал волокит вроде Казановы или Байрона, а не заурядного лакея.

– Спасибо, Монкрифф, мы сейчас сойдем вниз, – отпустила его Лорелея.

Он безупречно поклонился, развернулся на каблуках и вышел.

– Монкрифф, – быстро моргнула, словно посмотрев прямо на солнце, Вероника. – Уверена, я его никогда не видела... Он новичок?

– Очевидно.

Взглянув на себя в последний раз, Лорелея решила, что для второразрядной свадьбы выглядит идеально. Золотое платье подчеркивало высветленные солнцем и горящие металлическими бликами пряди волос. Горничная заплела их в причудливую косу, оставив ниспадавшие на спину длинные темные локоны. Круглые щеки и свежий цвет лица ее молодили, однако Вероника была права: недавняя резкая потеря веса обострила черты, и она выглядела на все свои тридцать три года. Лорелея казалась очень бледной и усталой.

– Выглядишь как богиня. – Вероника возложила на голову подруги сапфировую диадему Саутборнов, украсив прикрепленную к той фату искусными буфами.

– Я выгляжу как гиббон, – проворчала Лорелея.

Обычно горничная или швея подправляют туалет в последнюю минуту, но у Вероники был и настоящий талант, и любовь к моде.

– Возьмешь свою трость?

Лорелея помотала головой.

– Не сегодня.

С ее везением она заденет ею подол и разорвет платье прямо по пути к алтарю, или случится еще что-нибудь не менее унижительное.

Они поспешили – со всей быстротой, на какую Лорелея была вообще способна, – к карете.

Мортимер решил, что в качестве подружек невесте вполне достанет одной Вероники. Графиня сражалась с платьем, а Монкрифф оказался достаточно любезен, чтобы снять завесу входной двери Саутборн-Гроув.

Экипаж, видимо, принадлежал мистеру Гучу, поскольку был, по меньшей мере, вполвину выше и шире любой из карет Мортимера.

Над заливом, чреватые дождем, нависали приближавшиеся к устью реки Блэкуотер облака. Вдалеке на якоре стояли, покачиваясь на беспокойных волнах, несколько судов. Шлюпы, парусники и довольно большой, темный и непривычно многомачтовый силуэт. Изрыгающий пар чужак был этим берегам незнаком. Хотя Лорелее было известно, что сегодня Молдон и Хейбридж привлекают к себе все больше торговцев промышленными товарами и, к сожалению, мужчин наподобие ее будущего мужа.

В такую погоду ее лодыжка болела, и, спускаясь по ступенькам к карете, она старалась ее щадить. Кучер был высок, облачен в черное пальто с поднятым воротником, защищающим от усиливающегося ветра, и правил четверкой бойких черных скакунов.

«Подходящий цвет», подумалось Лорелее, поскольку она чувствовал себя так, будто ехала на собственные похороны, а не на свадьбу.

Забравшись с Вероникой в экипаж, Лорелея всю дорогу боролась с удушливым чувством безотчетного страха. Каждое новое мгновение этого дня обещало быть ужаснее прежнего.

Начиная с шествия по длинному церковному проходу под руку с братом, единственно ради извращенного развлечения только и помышлявшим подтолкнуть ее так, чтобы она упала. А в конце прохода и этой, в любой момент грозящей катастрофой, прогулки ее будет ждать жених, виденный прежде лишь раз, в тот самый день, когда выиграл ее и Саутборн-Гроув в покер и пришел осмотреть трофей точно племенную кобылу.

Казалось, поместье приглянулось ему больше невесты.

Сильвестр Гуч. С маленькими глазками, кислым выражением обжоры и выпирающей челюстью, храпевший, казалось, даже бодрствуя.

Торжество после венчания представлялось лишь рутиной, сводившейся к тому, чтобы принимать неискренние поздравления, смотреть, за невозможностью танцевать, на других, и силиться побороть страх перед грядущим.

Брачная ночь. Боже, как она это вынесет?

Она должна. Или она и Вероника – не говоря о Мортимере – окажутся на улице. Древнее имя Везерсток погибнет навсегда.

А что еще хуже, бездомными окажутся ее животные, и немногочисленный нанятый ею для ухода за ним персонал останется без работы.

От Лорелеи зависела жизнь слишком многих человеческих и иных душ.

И снова ее калечил Мортимер – висел камнем, – заставляя страдать за свои проступки.

«Черт его побери! – слала она проклятия в набегающие облака. – Забери его в ад, откуда он явился!»

И словно в ответ на ее колдовство, беспокойное скопление злых черных туч на востоке внезапно разразилось грохочущим грозovým шквалом над устьем реки.

– Ужасная погода, – пробормотала Вероника, поправляя павлинье перо на своей красивой шляпке. – Надеюсь, если лакеи и кучера промокнул, то хоть не простудятся.

– Возможно, нам следует приказать им гнать к церкви во весь опор, – криво усмехнувшись, предложила Лорелея. – Потребовать опередить грозу.

– Бурю, – вздохнула Вероника.

Экипаж замедлил ход, привлекая восхищенные взгляды гостей, торопливо входящих в храм.

Лорелея замерла, увидев, как сквозь небольшую толпу у открытых дверей серой каменной церкви пробирался Мортимер, чье лицо мало отличалось от бордового бархата его жилета.

– Он выглядит недовольным, – тревожно проговорила Вероника, и, несмотря на резкое похолодание, на лбу у нее выступила испарина.

Лорелея заставила себя пропустить мимо ушей колоссальное преуменьшение в замечании ее невестки. За эти годы волос у графа Саутборна стало меньше, а живот больше, но он был все еще тем же огромным, искусно манипулирующим людьми садистом, которого она боялась с детства.

Если она выйдет из экипажа прежде, чем он к ним подойдет, окружающие заметят их прибытие, и на глазах у всех по крайней мере физической расправы дамам удастся избежать.

Вероника явно думала так же, поскольку метнулась открывать замок, казалось, даже прежде, чем Монкрифф успел прыгнуть с запяток, чтобы помочь дамам выйти.

Неудобные сине-зеленые юбки как будто вообще не мешали Веронике – настолько изящно и без всяких приступов она прыгнула вниз и повернулась помочь Лорелее.

– Быстрее, – подбодрила она.

Лорелея подобрала подол цвета слоновой кости и потянулась опереться на руку Вероники. Ее приземление вышло куда менее изящным, а налетевший порыв ветра грозил сорвать с нее фату, которую пришлось придерживать.

Ей показалось, земля задрожала, когда рядом с козел прыгнул кучер.

Пораженные, обе леди усталились на его широкую спину, когда тот сделал несколько шагов навстречу Мортимеру. Порыв ветра хлестал лапами черного кожаного пальто по его длинным ногам, когда тот беспечно, словно званный гость, двинулся к церкви.

О чем он думал, что делал?

Кипя от негодования, Мортимер указал на сестру обличающим перстом, будто инквизитор на ведьму.

– Ты чем-то его отпугнула?

Лорелея вздрогнула.

– Чт-о?

– Боже, ты никчемна, как чертова хромая кобыла! Твой жених... – закричал он. – Ты не сумела даже этот мешок с кишками соблазнить явиться на собственную свадьбу, тебя...

– Боюсь, в отсутствии здесь мистера Гуча виноват я, – небрежно бросил кучер.

Одним проворным движением из внутреннего кармана пальто он достал длинный украшенный драгоценными камнями кинжал и воткнул острое под подбородок Мортимера. Воткнул так глубоко, что пронзил голову до самого мозга.

Лорелея смотрела, как брат в страшных мучениях умирает. Незнакомец не спешил – вводил острое оружия медленно и тихо.

Колени Мортимера подкосились, и он упал на землю.

Вероника издала задушенный крик. И она и Лорелея прижались друг к другу, пятясь назад к карете.

Лорелея видела смерть, видела насилие, но еще никогда ничего подобного. Мортимера больше нет. Ни она ли накликала это своим постыдным желанием? Ни она ли своим внутренним стремлением избавиться от брата разбудила некоего демона? Его смерть не на ее ли совести?

Видимо, началась суматоха. Волнение, когда гости в церкви поняли, что снаружи что-то не так. Рыдания. Крики.

Лорелея ничего этого не заметила.

На нее навалилась чудовищная усталость, и перед глазами заплясали черные круги. Мир покачнулся. Или это она шатается? Нет, не сейчас. Она не могла упасть в обморок. Она не могла оставить бедную Веронику одну лицом к лицу с тем, что будет дальше.

Потому что кучер повернулся к ним обеим. Он снял скрывавший лицо капюшон и опустил воротник.

Черное облако ужаса охватило ее. Черное, как его глаза. Черное, как его волосы. Черное, как горе, терзавшее ее все эти годы с тех пор, как она поняла, что он не вернется.

Черное, как окружавшая его сейчас буря, насланная древним злым богом, выпустившим его на эту землю.

Она не могла произнести его имя. Потому что этот дьявол перед ней был не Эш. Он был выше. Шире. Темнее.

Он только что... убил ее брата. Без малейших сантиментов, объяснения причин или церемоний.

И теперь он просто смотрел на нее, исполненный торжества, как и после особенно хорошо сыгранного крокетного матча.

– Капитан! – Монкрифф не дал Лорелею на него броситься – нападая или обнимая, она еще не решила. – Думаю, пора с этим кончать.

– Думаю, ты прав.

Он длинными звериными шагами пошел назад к карете. «К своей карете», – оцепенело сообразила Лорелея.

Вот кто она. Оцепенелая. Она не чувствовала ни ног, ни рук. Ничего, пока он не подошел.

Молния прорезала небо, но волосы у нее стали дыбом не от внезапной вспышки.

А от того, как он шел. Прямо как человек, но шагами дикого зверя. Каждое движение абсолютно точное и резкое.

В безжалостных пустотах его глаз не светилось ни намек на удовольствие. Нежного желания. Горького гнева. Даже беспощадной ярости, способной оправдать подобное насилие, не было.

На самом деле никакого насилия в подлинном смысле и не было. Было просто плавное неспешное движение. Безупречная смертоносная точность... и жизнь человека оборвалась. Как будто он совершал подобное тысячу раз. Или миллион.

Этого не может быть. Разум Лорелеи поспешил отвергнуть тень призрачной, давно похороненной мысли.

Врезавшись в задыхающуюся позади нее Веронику, она попыталась уйти у него с дороги.

Если бы только она умела бегать. Но она поняла, что от него и здоровому нелегко сбежать.

Она думала, что он высокий, но ошибалась.

Высокий он был двадцать лет назад. Теперь он был исполинский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.